

ДАНИЭЛА СТИЛ

*В нужное
время*

Миры Даниэлы

Даниэла Стил

В нужное время

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

В нужное время / Д. Стил — «Издательство АСТ»,
2017 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-105941-5

С детства у Александры Уинслоу была только одна настоящая страсть – писать детективы. Замечательные, хитро закрученные детективы с неожиданными развязками, которые принесли ее псевдониму всемирную славу и популярность, а саму Алекс сделали очень богатой женщиной. Детективы, которые отнимали у нее столько времени и душевных сил, что на личную жизнь уже просто ничего не оставалось. Но, как говорил Алекс старый и мудрый редактор, практически заменивший ей, рано осиротевшей, отца, – не надо спешить, в нужное время нужный мужчина найдет ее сам. И вот однажды в Лондоне, на съемках фильма по одному из своих романов, писательница встречает продюсера Майлза – первого, к кому она по-настоящему потянулась душой. Майлз появился в жизни уставшей от одиночества Алекс в нужное время – это несомненно. Но действительно ли он – тот самый нужный мужчина?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105941-5

© Стил Д., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	30
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Даниэла Стил В нужное время

Danielle Steel
THE RIGHT TIME

© Danielle Steel, 2017

© Перевод. Н.Л. Холмогорова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Моим дорогим и безмерно любимым детям: Беатрикс, Трэвору,
Тодду, Саманте, Нику, Виктории, Ванессе, Максу и Заре.*

*Упорно трудитесь, любите и будьте любимы, и пусть ваши
победы и достижения оценят по достоинству.*

Возможно всё. Ваши желания исполнятся, когда настанет время.

Люблю вас всем сердцем и душой.

Ваша мама
Даниэла Стил.

Глава 1

Александра Кортес Уинслоу лежала ничком на кровати у себя в детской, заткнув уши и стараясь не слушать крики, доносившиеся с первого этажа.

Папа и мама опять поссорились. Как всегда. Мама кричит – и еще долго будет кричать; потом внизу хлопнет дверь, и через несколько секунд на лестнице раздадутся негромкие шаги. Папа пойдет к Алекс, обнимет ее, скажет, что все хорошо. Тоже как обычно. Алекс семь лет, но она уже знает: на самом деле все совсем не хорошо, и, наверное, уже хорошо не будет.

Кричит мама. У нее горячий латиноамериканский темперамент, так считает папа. Вопит и бросает вещи, а папа просит ее успокоиться, пока она что-нибудь не разбила или соседи не вызвали полицию. Такого еще не случилось, говорит он, но ведь все когда-нибудь происходит впервые.

Сколько Алекс себя помнит – всегда одно и то же: мама придирается к папе, обижается на него, начинает кричать, хлопает дверью и уезжает. Порой на несколько дней или даже недель. Возвращается веселая, оживленная, и какое-то время в доме царит мир, однако скоро все начинается сначала.

Вот и теперь... Мама сказала, что хочет поехать к друзьям в Майами. Папа, нахмурившись, заявил: «Но ведь ты только что оттуда вернулась!» Мама покраснела, вскочила, а папа велел Алекс идти к себе. Тоже как всегда. Отсылает ее папа, мама не стесняется кричать и ругаться при дочери.

Пронзительные крики продолжались. Не по-детски тяжело вздохнув, Алекс накрыла голову подушкой.

Кармен Кортес и Эрик Уинслоу познакомились в Майами. Эрик прилетел туда в командировку по делам своей строительной фирмы, специализирующейся на офисных зданиях: представилась возможность получить выгодный контракт на строительство банка. Вечером пошел поужинать в местный ресторан и там увидел ее. Прекрасную, яркую, словно тропическая бабочка. Их была целая компания: смазливые юнцы, густо накрашенные девицы в откровенных нарядах, все пили, болтали, смеялись, но Эрик видел только Кармен. Раз взглянув, уже не мог отвести от нее глаз.

До сих пор жизнь его была тихой и упорядоченной. Разумной.

Два года назад Эрик овдовел. Жена, преподавательница Бостонского университета, долго боролась с раком груди, однако болезнь победила. Детей у них не было – сознательное решение, поскольку проблемы со здоровьем преследовали Барбару уже много лет и она опасалась рожать ребенка. Эрик не возражал, им было хорошо вдвоем.

Жизнь текла тихо и гладко. Эрик работал в строительной компании, Барбара читала лекции студентам, вечера они проводили вместе за книгами, оба страстно любили читать, и Эрик был уверен, что так, в мире и покое, доживет до старости. Меньше всего на свете он ожидал, что в сорок восемь лет станет вдовцом.

Уход Барбары оставил после себя пустоту. Просторный уютный дом вдруг показался слишком большим. Никто не ждал Эрика по вечерам, не радовался, когда он возвращался из частых командировок. Дома его встречала лишь оглушительная тишина да замороженные ужины, приготовленные экономкой Еленой. Родители Эрика давно умерли, братьев и сестер у него не было, с друзьями стало не о чем говорить: их беседы велись вокруг семьи, а семьи у него больше не было. Все сделалось пустым, бессмысленным, и даже любимое чтение Эрика – детективные романы, которые он обожал, – хотя и отвлекало ненадолго, но уже надоело.

Наверное, Кармен заметила, как Эрик смотрит на нее. Несколько раз он ловил на себе ее пристальный взгляд, а когда оркестр заиграл быструю сальсу, к величайшему удивлению Эрика, Кармен сама подошла к нему и пригласила на танец. Он не понимал, почему согласился – такое было совсем не в его духе; но когда эта потрясающая девушка с улыбкой протянула ему руку – просто... просто не смог отказать.

Они танцевали минуты три. Говорила только Кармен – о себе. Четыре года назад она приехала с Кубы, сейчас ей двадцать два, работает моделью и иногда снимается на телевидении... А Эрик только слушал ее бархатный голос, которому акцент придавал особую прелесть, смотрел в бездонные зеленые глаза, ощущал, как прижимается к нему гибкое смуглое тело, едва прикрытое алым шелковым платьем, и хотел, чтобы это не кончалось.

После танца Кармен вернулась к своим друзьям. Компания много пила, громко смеялась, кто-то посматривал в его сторону. Эрик подозревал, что смеются над ним, и чувствовал себя идиотом, ведь он ей в отцы годится. Старый скучный дядька. Смешно даже представить его рядом с этим экзотическим цветком!

И все же, уходя, Эрик протянул Кармен свою визитку и сообщил, где остановился в Майами. Просто из упрямства. Понимая, разумеется, что она не позвонит.

Кармен позвонила на следующий день, Эрик пригласил ее поужинать, и она согласилась.

Мысли о ней не давали ему покоя. И когда они встретились – в черном коктейльном платье, на высоких каблуках она показалась ему еще прекраснее. После ужина они танцевали, потом поехали в бар и там проговорили до четырех часов утра. Снова говорила в основном Кармен, и опять только о себе. Она мечтает быть актрисой, хочет пробиться в Голливуд, не всегда ей удается сводить концы с концами – приходится подрабатывать и официанткой, и барменшей, и кем только не... и не всегда знает, где будет ночевать и что есть завтра – но что ж, зато это весело! Подобная жизнь ей по душе, уверяла Кармен. А Эрик думал лишь о том, что еще не встречал такой красавицы, и трепетал при мысли, что эта сказочная женщина сейчас здесь, с ним, улыбается ему и ласково касается его руки.

На следующее утро Эрик улетал домой, командировка его закончилась. И вернулся через две недели, хотя в Майами ему делать было нечего. На сей раз повел Кармен в дорогой ресторан, о котором она как-то обмолвилась, что никогда там не бывала, а очень хотелось бы, а потом они гуляли по пляжу в лунном свете. Домой Эрик вернулся одуревшим от любви. А в следующий приезд Кармен пришла к нему в номер и осталась на ночь.

Она говорила, будто разница в возрасте ее не смущает, и Эрик начал этому верить. Может, рано списывать себя со счетов? Он здоров, крепок, с подтянутой спортивной фигурой – сказывается многолетнее увлечение бейсболом. А когда Кармен смотрит на него своими бездонными зелеными глазами, чувствует себя таким всемогущим и счастливым, каким не бывал в двадцать лет.

Три месяца он мотался из Бостона в Майами и обратно, в счастливом дурмане, страдая лишь оттого, что не видит возлюбленную постоянно, не может окружить ее заботой, подарить ей такое же счастье, какое она подарила ему. Зная о ее бедности, несколько раз предлагал деньги, но она отказывалась. А однажды в импульсивном порыве предложил выйти за него замуж, и Кармен ответила согласием.

Расписались прямо там, в Майами. Свадебный прием, по желанию Кармен, устроили в роскошном отеле «Фонтенбло». Мать невесты жила в Гаване и не смогла прилететь в Штаты; Эрик был один на всем белом свете, в общем, на свадьбу явилась только шумная компания невесты. Все много пили и бурно веселились, и свадьба быстро превратилась в молодежную вечеринку, на которой Эрик чувствовал себя лишним. А в конце недели, собрав три чемодана – все свое имущество, – Кармен улетела с мужем в Бостон, и Эрик перенес молодую жену через порог дома, выстроенного еще его прадедом, в совершенно новый для нее мир.

Неизвестно, чего ожидала Кармен от новой жизни, но точно не этого! Прежде всего в Бостоне было холодно. Дождливо. Зимой падал снег, а Кармен его терпеть не могла. Она постоянно мерзла, не знала, чем себя занять, пока Эрик находился на работе, и скучала по своим друзьям. Через несколько месяцев, не выдержав потерянного и несчастного вида молодой жены, Эрик повез ее в Майами. Подружки встретили Кармен восторженным визгом, наперебой рассказывали, как завидуют ей, и в глазах их ясно читалось: «Повезло же ей окрутить этого старого дурака!» Кармен сияла и уверяла, будто безумно счастлива. В Майами она взбодрилась, повеселела и с мужем стала ласковее, хотя домой возвращалась без особой охоты.

Через полгода, неожиданно для обоих, Кармен поняла, что беременна.

Это была случайность, но, как, поразмыслив, решил Эрик, счастливая. Живя с Барбарой, он смирился с тем, что детей у него не будет, и не переживал об этом. Но теперь вдруг задумался о том, как хорошо иметь сына, наследника, которому он передаст свое имя и дом, кого научит любить детективы и играть в бейсбол. Кроме того, ребенок прочнее свяжет его с женой. В Бостоне Кармен по-прежнему скучала и томилась, с друзьями мужа не сошлась – все они казались ей старыми и нудными, и Эрик чувствовал, что связь между ними ослабевает.

Что до самой Кармен – она согласилась с будущим материнством, но восприняла без энтузиазма. Больше всего беспокоило ее, что теперь придется на год, а то и на два бросить карьеру модели! Хотя волноваться было не о чем: в Бостоне Кармен все равно не работала и проводила целые дни перед телевизором, поглощая латиноамериканские мыльные оперы.

Ребенок должен был родиться в феврале. Уверенные, что будет мальчик, родители обставили детскую в голубых тонах, а счастливый Эрик купил коробку сигар, чтобы открыть их в важный день.

Однако в морозный и метельный день на свет появилась Александра.

Роды прошли тяжело, сложнее, чем ожидала Кармен и боялся Эрик. Врачи уверяли, будто это нормально, первые роды всегда трудные; но, когда все закончилось, Кармен была совершенно измучена и не хотела даже взглянуть на ребенка. Эрик находился в палате с ней рядом. «У вас девочка!» – объявил врач, и воцарилось глухое молчание.

С разочарованием Эрик справился быстро. Девочка? Что ж, отлично, дочь он будет любить не меньше, чем сына. Однако Кармен осталась холодна к ребенку. Первые недели о маленькой Александре заботилась в основном экономка Елена. Кармен лишь бродила по дому и жаловалась, что страшно растолстела, подурнела и уже очень-очень давно (целых пять месяцев!) не видела своих друзей в Майами.

Но Кармен была молода и здорова, и диета и гимнастический зал скоро помогли ей вернуться в форму. А когда Александре исполнилось три месяца, мать полетела в Майами – «всего на три дня!» – и осталась на две недели. Судя по всему, ей было там весело. В ее отсутствие о малышке заботились Эрик и Елена. Зато вернулась Кармен довольной и умиротворенной.

Так с тех пор и пошло: каждый месяц жена отправлялась во Флориду, даже работала там – участвовала в показах мод, а дочь оставляла отцу. Скоро стало ясно, что материнство – не сильная ее сторона, да и в Бостоне, с его размеренной традиционной жизнью, в консервативном и добропорядочном кругу Эрика она не приживется. Танцы, тусовки, бурное веселье – вот что ее занимало. А когда Александре исполнился год, Эрик выяснил, что в Майами Кармен завела роман с каким-то танцовщиком-пуэрториканцем. Она рыдала, клялась, что это не повторится, но, разумеется, это повторилось, и не раз.

Эрик делал все, чтобы сохранить брак – сначала ради себя, потом ради дочери. Розовый туман рассеялся, и когда Александре исполнилось три года, он осознал: Кармен его не любит и, вероятно, никогда не любила. Вышла за него замуж ради денег и стабильности. Однако самым большим кошмаром оставалось для него то, что однажды жена захочет уйти и заберет дочь. Его кроха, обожаемая Алекс будет мотаться с безалаберной матерью по съемным квартирам, недоедать, недосыпать. Может, слишком рано познакомится с такими сторонами жизни, о каких

не стоит знать детям... Даже думать о таком было невыносимо! Нет, Эрик сделает все, чтобы хотя бы дочь жила жизнью здоровой и спокойной – той, к какой привык он сам.

В общем, он терпел даже измены Кармен, которые научился определять безошибочно. Всякий раз, когда у нее кто-то появлялся, она ходила сияющая и целыми днями висела на телефоне. А когда очередной роман завершился, злилась и срывала раздражение на мужа.

Громогласные скандалы, о которых шептались соседи, сменялись днями и неделями ледяного молчания. Кармен даже не притворялась любящей и внимательной женой. После рождения дочери она ложилась в постель с мужем со страшной неохотой, словно выполняя тяжелую обязанность, а когда Алекс было лет пять, и вовсе перестала подпускать его к себе. Они жили в одном доме будто чужие люди. Лишь когда Эрик выходил с Кармен куда-нибудь «в свет», восторженные взгляды и шепотки окружающих напоминали ему, что жена потрясающе красива, и он испытывал гордость и даже нечто вроде нежности. Но и эти чувства быстро исчезали, сменяясь неловкостью и стыдом, поскольку Кармен слишком много пила и совершенно не умела вести себя в обществе.

Ни разу, отправляясь в Майами, Кармен не захотела взять Алекс с собой, и этому Эрик был только рад. Вдвоем с Еленой они прекрасно справлялись с ребенком. Елена стала для Алекс кем-то вроде заботливой бабушки: как и Кармен, она говорила с девочкой по-испански, так что Алекс в совершенстве знала оба языка.

От отца Алекс унаследовала белоснежную, почти прозрачную кожу, от матери – густые черные волосы и огромные зеленые глаза. Росла она тихой, задумчивой, не по годам рассудительной. Папу обожала, маму тоже любила, однако рано поняла, что на нее полагаться не следует. Единственная ее опора – отец.

Утром Эрик отвозил Алекс в школу. После уроков ее забирала Елена. Кармен ходила по магазинам, пропадала в фитнес-центрах и салонах красоты или часами висела на телефоне, болтая с друзьями и подружками из Флориды. Даже когда она находилась здесь, в Бостоне, ее как будто не было. Порой маленькая Алекс старалась приласкаться к матери, чем-нибудь порадовать, но Кармен отвечала рассеянно и холодно. Нечасто она обращала внимание на дочь, и каждое такое редкое мгновение становилось для Алекс праздником. Однажды Кармен накрашала ей ногти на ногах золотистым лаком. Алекс гордо демонстрировала свои крашенные ногти всем школьным подругам и несколько дней ходила счастливая.

«Может, это я что-то делаю не так? – думала Алекс. – Если я буду очень стараться, стану хорошей-прехорошей, мама перестанет сердиться на нас с папой?» Однако ничего не помогало, и скоро Алекс поняла: как бы она ни старалась, это ничего не изменит. Маме просто здесь не нравится. Не нравится жить с ними.

Алекс лежала, прикрыв голову подушкой, пока внизу не хлопнула дверь. Еще утром Алекс видела, как мама собирает чемодан, и сообразила, что это означает.

Через несколько минут на лестнице послышались шаги. Отворилась дверь в детскую, отделанную в голубых тонах. Папа рассказывал: это потому, что они с мамой ждали мальчика, а родилась Алекс, но как только папа ее увидел, сразу понял, что иметь дочь лучше, чем сына!

Впрочем, хотя папа клялся, что обожает свою девочку, но воспитывал ее, пожалуй, скорее как мальчика. Алекс не исполнилось и пяти лет, когда он начал брать дочь с собой на бейсбольные матчи, объяснял правила, рассказывал о командах и игроках. Купил ей биты и мячи, сам играл с ней на заднем дворе, а потом хвалился друзьям, что у его Александры великолепная координация и отличная подача.

Каждый вечер он читал ей на ночь. Сначала обычные детские книги: «Винни-Пуха», «Паутину Шарлотты», «Стюарта Литтла», «Энн с Зеленых Крыш». Но едва Алекс немного подросла, Эрик решил приобщить ее к своему любимому жанру и принес «Потайную лестницу» – первую из серии книг про девочку-детектива Нэнси Дрю.

Наверное, в семь лет читать про приключения Нэнси Дрю рановато, однако Алекс слушала с замиранием сердца. Чтение она обожала: книги стали для нее лучшими друзьями, они помогали забывать о ссорах между родителями, погружали в иной мир, увлекательный и чудесный. А истории про Нэнси Дрю (сейчас они с папой читали уже вторую, «Таинственное ранчо») захватили ее, как ни одна книга раньше. Загадки, опасности, преступления – и в центре всего этого девочка, проницательная и бесстрашная, которая любую тайну может разгадать и любых преступников вывести на чистую воду!

– Ну что, – спросил папа, входя в детскую, – почитаем сегодня про Нэнси Дрю?

Из-под подушки вынырнула растрепанная голова. Алекс кивнула. Эрик заметил, что глаза у нее покраснели.

– Мама уехала? – сдавленно спросила она.

– Всего на несколько дней, – успокаивающе произнес он.

До сих пор так и бывало. Но что, если однажды мама не вернется?

Она поудобнее устроилась в кровати, папа присел рядом, обняв ее за плечи, и начал читать. Вместо одной главы они сегодня прочитали две, и Алекс внимательно следила за сюжетом, а когда папа закрыл книгу, спросила:

– Как ты думаешь, мама будет нам звонить?

– Не уверен, – честно ответил Эрик.

Кармен была непредсказуема и, уехав в Майами, запросто могла совсем забыть о семье. Чаще всего так оно и бывало.

– Она очень на тебя рассердилась? – тревожно спросила Алекс.

Отец кивнул, стараясь не показывать дочери, как расстроен, хотя едва ли сумел обмануть ее. Они с дочерью слишком хорошо понимали друг друга: оба знали, что живут как на вулкане, и каждый чувствовал, как это тяжело для обоих.

– Хочешь сходить со мной на весеннюю тренировку «Ред Сокс»? – спросил он, чтобы ее отвлечь.

Алекс улыбнулась и кивнула. Она переделалась в пижаму, почистила зубы и легла в постель. Папа подоткнул ей одеяло, поцеловал на ночь, выключил свет и, уходя, остановился на пороге.

– Все будет хорошо, Алекс, – произнес он. – Ты же знаешь. Мама скоро вернется – веселой и довольной.

«Да, – подумала Алекс, – только ненадолго». Это она тоже хорошо знала.

– Сладких снов, милая. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, папа, – прошептала Алекс и закрыла глаза.

Она думала о Нэнси Дрю, девочке-детективе, способной разгадать любую тайну. Интересно, будь Нэнси на ее месте, смогла бы она выяснить, когда вернется мама?

Глава 2

Следующий день проходил как обычно. Исчезновения Кармен почти ничего не меняли в расписании Эрика и Алекс. Даже дома Кармен спала допоздна, и Эрик собирал дочь в школу сам. Готовить жена тоже не умела и учиться не собиралась. Ее кулинарные навыки ограничивались несколькими кубинскими блюдами, слишком острыми и пряными для ребенка. В общем, на завтрак Эрик варил дочери овсянку и делал тосты с беконом, а по выходным варил яйца или жарил яичницу. Обеды и ужины готовила для них Елена.

Вот и сегодня Эрик накормил Алекс, сам упаковал ее ленч в ранец и отвез дочь в школу. Елены не было, и дочь забирала из школы соседка Пэтти: у нее было четверо своих детей, двое постарше Алекс, двое моложе. В доме у Пэтти всегда было шумно и весело, и Алекс охотно проводила там вторую половину дня, пока не возвращался с работы папа и не забирал ее. Приезды и отъезды Кармен ничего не меняли в этой спокойной, налаженной жизни, разве только Алекс в отсутствие матери становилась задумчивее и грустнее.

– Ну как она? – негромко спросил Эрик у Пэтти, вечером заехав за Алекс.

В доме у соседки, как всегда, царил веселый кавардак. Двое младших сыновей гонялись друг за другом, из гостиной доносилась музыка и вопли мультяшных героев. Сама Пэтти готовила ужин. Муж, адвокат, обычно задерживался на работе допоздна.

– Все хорошо, – ответила она. – Пожалуй, потише обычного, но ведь Алекс всегда такая, когда Кармен уезжает.

Эрик вздохнул, и Пэтти взглянула на него с сочувствием и любопытством.

Брак Эрика и Кармен давно уже стал притчей во языцех среди соседей. Мягкий, интеллигентный Эрик, с сединой на висках, в неизменном костюме с галстуком, и жена вдвое его моложе, яркая, словно тропическая птица, в вызывающих нарядах, больше подходящих подростку на дискотеке, чем взрослой замужней женщине, очень уж странно они смотрелись вместе. А в теплые летние дни, когда открывали окна, отголоски их ссор разносились по всему кварталу. Да и Елена, хотя и повторяла, что не любит сплетничать, не упускала случая, встретив соседок на детской площадке или в магазине, поделиться с ними последними новостями и высказать все, что думает о Кармен как о матери и жене.

Нетрудно было догадаться, что произошло. Встретив Кармен, Эрик был очарован ею, женился второпях, не подумав, и скоро в этом раскаялся. Жаль его, думала Пэтти, и еще жальче девочку – сироту при живой матери.

Эрик и Алекс отправились домой. После ужина дочь сделала уроки на кухонном столе, потом приняла ванну (сама – папа только помог помыть ей голову!) и устроилась в кровати, с нетерпением ожидая чтения новой главы о приключениях Нэнси Дрю.

Так прошло две недели. Кармен не позвонила ни разу, но подобное и прежде случалось. Вероятно, у нее новый роман, думал Эрик и при дочери старался делать вид, будто вовсе не обеспокоен.

Через две недели Кармен позвонила ему на работу. Сказала, что хочет сообщить нечто важное, и лучше не дома, чтобы не слышала Алекс. Эрик слушал ее рассеянно, он был занят работой.

– Я не вернусь, – сухо произнесла Кармен.

– На этой неделе? – уточнил он.

– Никогда. Я больше не могу. В Бостоне я потеряла лучшие годы! Это самый нудный и унылый город на свете, не понимаю, как ты там живешь!

Эрик слушал с горечью, но без удивления. Похоже, и до нее дошло то, что сам он понял давным-давно: они – из разных миров. Мир Кармен – тропический, жаркий, веселый и чувственный, мир музыки, смеха, танцев и возлияний. Бесконечный праздник. В Бостоне, с Эри-

ком, она как птица в клетке. Рано или поздно это должно было случиться, думал он. Может, и хорошо, что их связь, для обоих неестественная и утомительная, наконец себя исчерпала. Вот только Алекс... Что будет с ней?

– Останешься в Майами? – спокойно спросил он.

– На время. Я здесь подписала контракты на два показа мод. А еще познакомилась с одним человеком, у которого есть связи с агентствами в Лас-Вегасе. Если получится, то устроюсь там на постоянную работу!

В Лас-Вегасе? Этого еще не хватало! Александре там точно делать нечего!

– Это неподходящее место для ребенка, – заметил он.

– Нет, Алекс я с собой не повезу! – воскликнула Кармен. – Ей с тобой лучше. И потом, я сама еще не знаю, где в конце концов осяду, в Лас-Вегасе или в Лос-Анджелесе. Вот устроюсь – пусть приезжает ко мне в гости. А так – ты прав, для ребенка это не жизнь. Да и мне нужна свобода.

Свобода, с горечью думал Эрик, вот все, что ей надо. И еще, пожалуй, деньги. Как мог он хотя бы на мгновение вообразить, будто ее интересует что-то другое... интересуется он сам? Вспоминая первые месяцы их брака, Эрик не ощущал ни боли, ни даже неприязни; все давно перегорело, оставив после себя лишь сожаление о совершенной ошибке.

– Может, как-нибудь заеду навестить ее, – продолжила Кармен, и сердце Эрика сжалось от сострадания к дочери. Какой бы безответственной матерью ни была Кармен, другой мамы у Алекса нет, и дочь любит ее всем сердцем. Как она переживет эту новость?

– Будем рады тебя видеть в любое время, – произнес он и добавил, не сдержав эмоций: – Знаешь, Алекс будет тосковать по тебе. Да, у нее останусь я, но отец – не замена матери.

– Ты с ней гораздо лучше ладишь. А я больше не могу. Я с вами обоими как в тюрьме!

– Понимаю, но ей будет нелегко это осознать. – И, поколебавшись, задал вопрос, ответ на который вряд ли что-нибудь менял: – У тебя кто-то есть?

После долгого молчания Кармен ответила:

– Ну... да, наверное. Тот парень со связями в Лас-Вегасе. Не знаю пока, серьезно это или нет, но мне с ним весело.

Вот и все, думал Эрик. На одной чаше весов – благополучная обеспеченная жизнь, стабильность, свой дом, муж, который ее обожал и готов был выполнять любые прихоти. Ребенок. А на другой – неизвестность и едва знакомый парень, с которым «весело».

– Но к тебе я не вернусь, – заявила Кармен. – Я хочу развода.

Откровенно говоря, он надеялся, что хотя бы с этим она повременит, чтобы ему не пришлось сообщать дочери все сразу.

– На опеку над ребенком не претендую, Алекс полностью твоя.

Вот это хорошая новость!

– Спасибо, – кивнул Эрик. И спросил – больше из вежливости, уже предвидя ответ: – Хочешь регулярно навещать ее?

– Нет, давай подождем, пока я устроюсь и решу свои дела. Я дам тебе знать. – И перешла к деликатной теме денег: – Послушай, ты не сможешь меня поддержать год-другой, пока я не найду приличную работу?

Эрик колебался, но, в конце концов, Кармен была матерью его ребенка. И в отличие от нее он к этому относился серьезно.

– Да, думаю, на разумную сумму ты можешь рассчитывать. Скажи, ты ведь... ты ей позвонишь?

«Не может же она просто исчезнуть с горизонта, даже не попрощавшись с дочерью!»

– Ой, спасибо! А насчет Алекса... знаешь, может, ты сам ей все объяснишь?

Разумеется. И надеяться не следовало. Кармен всегда избегала трудностей, связанных с материнством, – а теперь еще, похоже, ни о чем, кроме своего нового любовника, не думает. И спешит порвать все узы, связывающие ее с прошлым.

– Я тебе сообщу, куда выслать чек, – безмятежно промолвила она.

– И все же звони ей, – попросил он. – Хотя бы иногда.

– А? Ну... да... как-нибудь... обязательно! Эрик... прости. Я виновата, знаю. Но я правда больше так не могла!

– Да, – тихо ответил он. В это мгновение ему было почти жаль жену – она ведь, как и он, мучилась в этом несчастном браке.

Теперь мучениям их настал конец, однако для Алекс страдания только начинаются. Каково в семь лет потерять мать? А Кармен для нее потеряна. Не умерла, но едва ли не хуже того – бросила своего ребенка. Сумеет ли Алекс, такая еще маленькая, понять, что ни в чем не виновата? Сможет ли простить свою эгоистичную, ветреную, но любимую маму?

Эрик повесил трубку и долго сидел, невидящим взором глядя в окно, вновь прокручивая в памяти их разговор. Вот и все, думал он. Жизни как на вулкане, скандалам, тревогам, страхам пришел конец; это больно – однако, наверное, к лучшему. Теперь по крайней мере ничто не грозит разлучить его с дочерью.

В тот день Эрик ушел с работы пораньше и сам заехал за Алекс в школу. Позвонил Пэтти, чтобы предупредить ее – и она сразу уловила в его голосе странные нотки.

– Что-нибудь случилось? – сочувственно спросила она.

– Нет... да... – Он глубоко вздохнул. – Жена подает на развод.

– Она вернулась?

– Нет, Кармен в Майами. Хочет переехать в Лас-Вегас или в Лос-Анджелес. Вроде у нее кто-то появился... но и без этого, полагаю, рано или поздно это случилось бы. Я надеялся, она подождет, пока немного подрастет Алекс, однако она приняла решение. И не вернется.

Кармен даже не попросила прислать свои вещи, вспомнил он. Может, не видела больше смысла в респектабельных нарядах, которые носила в Бостоне. Или решила полностью порвать с прошлым – ничего из былой жизни не забирать с собой.

– А как вы решили с опекой? – с беспокойством спросила Пэтти. Новость о разводе ее не удивила.

– Я остаюсь единственным опекуном, – ответил Эрик, и она вздохнула с облегчением. – Я скорее даже рад, но Алекс будет тяжело. Ей всего семь лет... хотя, когда тебя бросает мать, это тяжело в любом возрасте.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– У нас все будет хорошо, – ответил он так, словно старался убедить в этом себя, а не Пэтти.

– Уверена. Но Алекс в первое время придется сложно, – вздохнула Пэтти.

«Для девочки это будет серьезный удар, – думала она. – Какой бы никчемной матерью ни была Кармен – теперь, уйдя и не оглянувшись, она окончательно доказала, что мать из нее никакая, – все же Алекс любит ее».

Эрик ждал Алекс возле школы в своем «вольво». Прозвенел звонок, дети высыпали на школьное крыльцо и побежали вниз, и среди них Эрик разглядел черноволосую головку дочери. Алекс не сразу его заметила, и Эрик позвал ее из машины. Она радостно помчалась к нему, но неожиданно замедлила шаг, и на лице ее появилась тревога, словно Алекс предчувствовала дурные вести.

– Мама не вернется? – спросила она, едва сев в салон.

Секунду поколебавшись, Эрик кивнул. Нет смысла рубить хвост по частям, подумал он, лучше покончить с этим сразу.

Алекс побледнела:

– И я никогда больше ее не увижу?!

– Увидишь. Но не знаю, когда. Мама еще не решила, где будет жить. Сказала, что пригласит тебя в гости или сама к нам приедет, когда устроится.

– А я буду жить с тобой? – глаза девочки наполнились слезами.

– Конечно. Нас с тобой ничто не разлучит. – Эрик обнял дочь за плечи и прижал к себе. – Мама... ты же ее знаешь. Она просто такая, как есть, и хочет жить своей жизнью. Ты ни в чем не виновата, милая, – добавил он, надеясь, что дочь ему поверит. – Ты ничего не могла изменить.

– Да, – кивнула Алекс, выпрямляясь и смахивая слезы со щек. – Наверное, она просто не хотела быть мамой!

– Вероятно, – произнес Эрик, заводя мотор. – Но мы с тобой по-прежнему вместе, это главное. Нам с тобой будет хорошо и вдвоем. Мы прочитаем еще много-много книг, будем ходить на бейсбольные матчи, путешествовать...

– А к маме в гости поедем? Когда она решит, где будет жить?

– Разумеется, – ответил Эрик, трогаясь с места. – А пока прочитаем всю серию про Нэнси Дрю.

Как ни мала была Алекс, она прекрасно понимала, что делает отец – пытается ее ободрить и развлечь. Она улыбнулась:

– Давай! А когда мне можно будет читать твои детективы?

– Когда немного подрастешь.

Они ехали домой, и Эрик рассказывал дочери, сколько всего веселого и интересного смогут они делать теперь, оставшись вдвоем.

– А вы разведетесь? – вдруг спросила она. – У Салли Портман родители развелись в прошлом году, и теперь по выходным она живет с папой.

– Нет, по выходным ты тоже будешь жить со мной. Да, мы разведемся, поскольку мама больше не хочет жить здесь.

– Как думаешь, теперь она выйдет замуж?

– Не знаю, – честно ответил он.

– А ты?

– Вот это вряд ли, мисс Алекс! – рассмеялся Эрик. – Ведь у меня есть ты. И в любом случае пока об этом думать не следует.

В тот же вечер они дочитали «Таинственное ранчо». Вслушиваясь в мягкий выразительный голос отца, Алекс размышляла над книгой. История Нэнси Дрю неожиданно приобрела для нее новое значение: Нэнси тоже жила вдвоем с папой и вместе с ним расследовала преступления! А куда же делась их мама? В книге об этом ничего не сказано...

Вскоре папа перевернул последнюю страницу, все загадки были разрешены.

– Надо же! Я бы никогда не догадалась! – воскликнула Алекс. Она старалась сообразить, кто преступник и чем дело закончится, но развязка оказалась для нее удивительной.

– Жизнь немного похожа на детективный роман. Тоже полна сюрпризов: иногда приятных, порой не очень.

– Мне ужасно нравится разгадывать загадки! – призналась Алекс.

– Мне тоже. – Он подоткнул ей одеяло и поцеловал в лоб. – Поэтому я так люблю детективы.

Эрик выключил свет и вышел, а Алекс осталась одна в темноте, размышляя о том, где сейчас мама, скучает ли по ней. Может, совсем о ней не вспоминает? Две слезы скатились по ее щекам и упали на подушку. Алекс прошептала короткую молитву о матери и постепенно погрузилась в сон. Ей снилось, будто Кармен, красивая и с ласковой улыбкой, вернулась домой и они живут все вместе, долго и счастливо.

Глава 3

Через месяц Кармен прислала бумаги, необходимые для развода. Об этом отец рассказывать Алекс не стал. К чему ей знать подробности? Кармен просила о финансовой поддержке в течение двух лет, и он подтвердил свое согласие. Просьба была весьма скромной, впрочем, Эрик знал, что свобода для бывшей жены важнее денег. Кармен писала, что пока в Майами, но вот-вот переедет в Лас-Вегас. Дочери она так и не позвонила.

Согласившись выплачивать ей деньги, Эрик преследовал и еще одну цель: всегда знать, где она, – на случай, если Кармен понадобится дочери.

Через два месяца она написала из Лас-Вегаса и прислала свой новый адрес.

Алекс, оправившись от потрясения, держалась стойко. И учителя, и Пэтти сообщали, что она почти не изменилась, лишь немного погрузтелась и стала молчаливее. То же впечатление производила дочь и дома. Вероятно, для нее это тоже не явилось сюрпризом, думал Эрик.

Весной они поехали в Вайоминг, на ранчо к одному старому приятелю Эрика. Алекс училась ездить верхом, ходила на родео: то и другое привело ее в восторг. Снова Эрик вспомнил, как когда-то хотел иметь сына, но теперь, глядя на Алекс, не представлял, как жил бы без этого милого, любящего сердечка. Да и чем девочка хуже мальчика? Алекс умеет все то же, что умел бы сын: ездит верхом, отлично играет в бейсбол, обожает книги, которые он для нее выбирает. Мало того: учитель английского говорит, что она прекрасно пишет, что у нее несомненный талант.

По возвращении из Вайоминга – Алекс было тогда восемь лет, училась она в третьем классе, а Кармен пропадала где-то в Лас-Вегасе, так и не удосужившись ей позвонить, – девочка сказала папе, что собирается когда-нибудь сама написать книгу.

– Я хочу сочинять детективы, – сказала она, глядя на него большими серьезными глазами. – Как ты думаешь, папа, у меня получится?

– Почему бы и нет? – произнес он. – Только тебе, наверное, придется взять псевдоним.

– Что?

– Видишь ли, детективы и триллеры пишут в основном мужчины. Это считается мужской литературой. Есть, конечно, и женщины, которые сочиняют дамские детективы, – но... – Он поморщился. – Этот жанр мне не по душе. Мало кто из женщин добивался успеха на этом пути – разве что Агата Кристи, но и она... в общем, ее тоже чаще читают женщины. А если хочешь, чтобы тебя читали и ценили все, – придется выпускать книги под мужским именем.

Алекс слушала его, как оракула, не сомневаясь, что о своих любимых детективах папа знает все.

– Мне придется притворяться мужчиной? – Он кивнул. – Носить мужскую одежду и наклеивать усы?

– А фальшивые усы тебе пойдут! – рассмеялся он. – Нет, все это не нужно. Псевдоним – фальшивое имя. Тебе надо будет придумать мужское имя и выпускать книги под ним, чтобы люди считали, будто ты мужчина.

– А если выяснят, что я девочка, то читать не станут?

Эрик кивнул.

– Но почему?

– Потому что это мужской жанр. Криминальные романы пишут мужчины для мужчин, – убежденно ответил отец.

– Пап, это же глупо! Почему женщинам нельзя? Они наверняка могут сочинять не хуже! Отец пожал плечами, не желая вдаваться в подробности.

– Тогда, – продолжила Алекс, – если я когда-нибудь сочиню книгу, то подпишу ее твоим именем. Пусть все думают, будто это ты!

Выдавать себя за отца – это показалось ей веселой игрой. И все же... нет, Алекс не сомневалась в папиных словах, она уже знала, что чаще всего он прав. Но ощущалось в этом нечто странное и неправильное.

Кармен снова появилась на горизонте почти через год. Эрик получил от нее открытку. Она писала, что ее парню предложили работу в Нью-Йорке, они едут туда из Лас-Вегаса на машине и по дороге заглянут в Бостон, чтобы повидаться с Алекс. Развод был еще не оформлен, и Эрик решил пока ничего не говорить дочери, чтобы не пробуждать в ней надежды, которая может и не оправдаться, если в последний момент Кармен передумает.

Она позвонила поздно вечером, когда Алекс уже крепко спала.

– Привет, мы только что приехали! – раздался в трубке знакомый бархатный голос с легким акцентом.

– Где остановились?

Кармен назвала дешевый мотель за городской чертой.

– Можно мне заехать завтра?

Завтра была суббота, и идти в школу Алекс не требовалось. Впрочем, Эрик без колебаний позволил бы дочери пропустить школу ради свидания с матерью – и теперь жалел, что не предупредил ее.

– Разумеется. Она будет счастлива. Вы здесь надолго? – взволнованно спросил Эрик. Он боялся, что встреча с матерью разочарует Алекс, нарушит ее хрупкое спокойствие – но ни за что на свете не лишил бы дочь этой радости.

– Только на один день. Завтра уезжаем в Нью-Йорк, – безмятежно ответила Кармен.

– Хочешь забрать ее после завтрака?

Она молчала, казалось, целую вечность, а потом произнесла:

– Давай я лучше к вам заеду.

– Как пожелаешь, – промолвил Эрик, подумав, что так действительно будет лучше. В конце концов, они почти год не виделись – и, не исключено, Кармен стала для Алекс почти чужим человеком.

Кармен пообещала приехать завтра в десять часов утра и попрощалась.

Обычно по субботам Эрик позволял дочери поспать подольше, но сегодня разбудил ее рано.

– Приехала мама, – сообщил он, как только она открыла глаза.

– Мама? Она здесь? – Алекс подскочила так, словно вдруг услышала, что сегодня Рождество.

– Да, сейчас она в городе. Заехала по пути в Нью-Йорк. После завтрака придет с тобой повидаться.

Дочь вскочила с кровати.

– Я надена новое платье! – сияя от счастья, воскликнула она.

К приходу матери Алекс принарядилась: надела розовое бархатное платье и новые черные кожаные туфельки, совсем как у взрослых. Тщательно умылась, до блеска расчесала свои длинные темные волосы. Почти не притронулась к завтраку – слишком волновалась – и уже с девяти утра заняла наблюдательный пост на диване в гостиной.

Кармен появилась только к полудню – такая же ослепительно красивая, в узких джинсах, облегающей футболке, кожаной куртке, туфлях на каблуках. За спиной у нее маячил парень, на вид лет двадцати пяти, не больше; ему явно было неуютно здесь. Не поднимая головы, он пробормотал, что подождет в машине, и ушел. Эрику тоже было неловко, и не отпускало странное чувство: словно к нему приехали подростки, а он их старый ворчливый дедушка.

Едва Кармен вошла в гостиную, Алекс, спрыгнув с дивана, стремглав бросилась навстречу, обняла ее и крепко к ней прижалась.

– Ух ты! Как ты выросла! – воскликнула Кармен, нерешительно, словно чужую, обнимая ее. – Дай-ка на тебя посмотреть! – Она отстранила дочь от себя и, окинув ее взглядом с ног до головы, добавила: – Какая же ты стала красавица!

– Ты тоже, – почти с благоговением в голосе проговорила Алекс. Она уже забыла, как ослепительно красива ее мать.

Эрик предложил Кармен перекусить, но та отказалась.

– Я только что позавтракала, – объяснила она, – и скоро нам снова в дорогу. К шести часам вечера Уинсу нужно быть в Нью-Йорке.

– А кто такой Уинс? – спросила Алекс. Личико ее вытянулось, когда она услышала, что маме надо уезжать. До Нью-Йорка пять часов езды, и это означало, что Кармен пробудет с дочерью менее часа.

– Мой друг. Он танцовщик и актер. Мы с ним собираемся перебраться в Калифорнию, у него там есть связи.

Алекс это ни о чем не говорило, но Эрик сразу все понял. Кармен по-прежнему перекаати-поле, продолжает гоняться за мечтой.

– А что ты будешь делать в Калифорнии? – спросила дочь. Огромные глаза ее не отрывались от матери, словно она впивала в себя и старалась навечно запечатлеть в памяти каждую черточку, каждое слово.

– Может, стану сниматься в кино! – ослепительно улыбнулась Кармен. – Представляешь, увидишь меня на экране!

– Я бы лучше тебя просто так увидела, – грустно заметила Алекс, и на секунду в гостиной воцарилось молчание.

Эрик вышел, оставив мать и дочь наедине, но находился рядом, в кухне, на случай, если он понадобится Алекс. Он слышал, как дочь произнесла:

– Я по тебе скучала.

А Кармен, запнувшись на секунду, ответила:

– Я тоже. Правда, в Лас-Вегасе особо скучать некогда. Там так весело!

«Что она несет? – думал Эрик. – Ладно, она не любит дочь, сердцу не прикажешь. Но как насчет элементарного такта? К чему Алекс знать, что мать без нее веселится до упаду и почти о ней не вспоминает?»

Снова пауза, на сей раз долгая и неловкая, а затем Кармен спросила:

– Ну... как у тебя дела в школе?

Того, что дочь нарядилась ради нее, она тоже не заметила.

Дальше разговор тянулся медленно, неуверенно, с долгими паузами, и вскоре Кармен поднялась и с явным облегчением сказала, что ей пора. «Очень рада была тебя повидать», – добавила она, словно прощалась с не слишком близкой приятельницей. Эрик выглянул из кухни и увидел, что Кармен быстрым шагом идет к двери, а Алекс с настоящим отчаянием на лице почти бежит за ней следом. У порога она снова обняла мать, крепко-крепко прижалась к ней и не хотела отпускать. Наконец Кармен высвободилась из ее объятий, торопливо чмокнула дочь в макушку и, пробормотав, что ей пора, переступила порог.

– Я люблю тебя! – крикнула Алекс.

Ответа не было – лишь простучали каблучки по лестнице, а через несколько секунд внизу хлопнула дверь автомобиля и взревел мотор.

Алекс бросилась к отцу и горько зарыдала. Он усадил ее на диван, и они долго сидели обнявшись. Алекс безутешно плакала, Эрик гладил ее по голове и по плечам, понимая, что нет слов, способных ее утешить. Пожалуй, сейчас он впервые по-настоящему ненавидел бывшую жену – за то, что она делает с дочерью. За то, что своим бездумным эгоизмом наносит ей раны, какие вся его любовь не в силах исцелить, – раны, шрамы от которых останутся с Алекс до конца жизни.

– Она не сказала, когда вернется! – всхлипнув, проговорила дочь.

«И что любит тебя, не сказала тоже», – мысленно добавил Эрик.

– Наверное, она сама не знает своих планов, – мягко промолвил он. Все его душевные силы сейчас уходили на то, чтобы не выразить своего гнева на Кармен, а вместо этого придумать для дочери какое-нибудь утешение. – Но она была рада, что с тобой увиделась, – добавил он.

– Тогда почему так быстро ушла? – прорыдала Алекс.

– Мама спешила в Нью-Йорк.

В тот день дочь долго не могла успокоиться, и Эрик видел, что тяжелые мысли о матери преследовали ее и много недель спустя. Это второе предательство Кармен Алекс пережила острее, чем первое, ведь теперь она была взрослее и понимала больше. А Кармен снова будто растворилась в тумане: ни телефонных звонков, ни писем, ни обещаний вернуться.

Через месяц она прислала Эрику свой новый адрес в Лос-Анджелесе для ежемесячной высылки денег, но дочь так и не услышала от нее ни слова.

А полгода спустя, ночью, в доме раздался телефонный звонок. Эрик снял трубку. Незнакомый голос, молодой и неуверенный, произнес: что это друг Уинса. Кармен и Уинс мертвы. Гнали по шоссе, пьяный водитель вылетел на встречную полосу, оба погибли на месте. Подробностей он пока не знает. Решил, что надо сообщить родственникам, но никаких родственников Кармен, кроме бывшего мужа, найти не сумел.

Целый час после этого звонка Эрик сидел, глядя в пустоту и размышляя об одном: что же теперь он скажет Алекс? Ей всего девять лет. И она потеряла мать – теперь уже навсегда.

Не сразу решился он обрушить на Алекс страшную весть. Наконец сообщил об этом – в пасмурный субботний день, после завтрака – и понял, что это выражение ошеломления и ужаса на детском личике будет преследовать его всегда.

– Неправда! Ты врешь! – завопила Алекс, бросилась к себе в спальню и с грохотом захлопнула дверь.

Войдя к ней, Эрик нашел ее на кровати: спрятав голову под подушку, дочь горько рыдала и никак не могла успокоиться.

В тот же вечер Эрик позвонил другу Уинса и спросил о похоронах. Выяснилось, за телом Уинса приехали из Сан-Диего родители, а Кармен лежала в морге, никому не нужная. Ее мать в Гаване давно умерла, других родных – или друзей достаточно близких, чтобы озаботиться ее посмертной судьбой, – у нее не было.

Эрик сказал, что займется этим сам, и попросил связать его с моргом в Лос-Анджелесе. Тут же, не сходя с места, позвонил в бостонское похоронное бюро и обо всем договорился. Он не хотел, чтобы Кармен лежала где-то в Калифорнии в безымянной могиле. Пусть покоится на семейном кладбище, рядом с его первой женой; а Алекс знает, где похоронена мать, и сможет приходить к ней, когда станет постарше.

На следующий день, выйдя из комнаты с красными и опухшими глазами, дочь молча протянула отцу листок бумаги.

Стихи – маленькое стихотворение о матери. По-детски наивное, оно, однако, поражало силой и свежестью чувств; в нем ясно ощущался пробуждающийся талант, и еще более – неизмеримая любовь. Любовь безответная, страдающая, но способная преодолеть свое страдание и подняться над ним. Непостижимо, думал Эрик, что Кармен, эта бабочка-однодневка, красивое пустоголовое существо, неспособное любить никого, кроме себя, сумела пробудить в дочери такое чувство.

Глава 4

Алекс всегда была очень близка с отцом, особенно после того, как они остались одни, но смерть Кармен сблизила их еще больше. Со временем Алекс оправилась от потрясения, вызванного смертью матери. Жизнь ее вошла в прежнюю колею, пожалуй, стала даже спокойнее, поскольку теперь девочку не мучили напрасные надежды и тщетные ожидания того, что однажды мама приедет или позвонит.

Еще больше прежнего Алекс пристрастилась к книгам. Серию про Нэнси Дрю они с отцом закончили пару месяцев назад, и Эрик решил, что пора уже ей потихоньку переходить на взрослые книги. Начать можно, пожалуй, с «дамских» детективов, спокойных и не страшных, вроде Агаты Кристи. Так он и сделал – и новыми героями Алекс стали Эркюль Пуаро и мисс Марпл: вместе с ними, шаг за шагом, она распутывала изощренные преступления и приходила в восторг, когда удавалось самой найти разгадку раньше, чем сыщик объявлял ее изумленным читателям.

Алекс не только читала, но и сочиняла. Преподаватель литературы в четвертом классе отмечал, что у нее явный поэтический дар. В пятом классе Алекс получила первый приз за душераздирающий рассказ о девочке, у которой убили маму. А через два года после смерти Кармен, когда Алекс училась в шестом классе, учитель литературы мистер Фарбер позвонил Эрику на работу и попросил завтра зайти в школу. Голос его звучал серьезно, даже мрачно, будто Алекс что-то натворила. Эрик недоумевал: до сих пор у его дочери не возникало проблем в школе! Самой Алекс он решил ничего не говорить, пока не выяснит у учителя, в чем дело.

В школу Эрик отправился с некоторым трепетом – и волнение его только усилилось, когда учитель с хмурой гримасой протянул ему шесть тетрадных листочков, исписанных старательным детским почерком.

– По-моему, вам следует это прочесть, мистер Уинслоу, – сообщил он похоронным тоном. – Мы с коллегами не знаем, что и думать!

«Что же она такое написала?!» – размышлял Эрик, принимая листочки. Объяснилась в ненависти кому-то из учителей? Пригрозила покончить с собой? Физиономия мистера Фарбера заставляла предполагать самое худшее.

Но ничего подобного: дочь написала рассказ, и, начав читать ее сочинение, Эрик скоро обнаружил, что всерьез увлечен чтением.

Алекс писала смело и уверенно, с мастерством, не характерным для одиннадцатилетнего ребенка. На первой странице она описала место действия и представила читателю персонажей. Вторую посвятила завязке сюжета, причем весьма умелой, заставляющей заинтересоваться и гадать, что произойдет дальше. Все шло хорошо до третьей страницы, но там случилось убийство: жестокое, кровавое, в лучших традициях любимых триллеров Эрика. На четвертой на сцене появился детектив, обаятельный и циничный, готовый даже над свежим трупом отпустить сомнительные шуточки. Сюжет развивался стремительно: на пятой странице действие совершило несколько неожиданных поворотов, а на шестой детектив разоблачил убийцу, человека, которого никто (и даже сам Эрик) не подозревал!

«Отличная работа! – думал Эрик. – Такой рассказ сделал бы честь и взрослому писателю! Похоже, не зря я приучал Алекс к детективам!»

Гордо улыбаясь, он вернул сочинение учителю. Но тот почему-то не разделял его радости.

– Вы понимаете, – проговорил он, сверля отца суровым обвиняющим взглядом, – что для одиннадцатилетней девочки ненормально писать подобное? Фантазии о насилии у ребенка – повод как минимум для консультации у психолога! Вы знали, что она страдает такими фантазиями?

– Нет, не знал, но, честно, я впечатлен, – ответил Эрик, не совсем понимая, чем озабочен учитель.

– Мистер Уинслоу, улыбаться здесь нечему! Рассказ вашей дочери свидетельствует о том, что у нее серьезные психологические проблемы!

– А по-моему, – возразил Эрик, оскорбленный в лучших чувствах, – он свидетельствует о том, что у моей дочери несомненный талант. Это рассказ уже сложившегося писателя. Построение сюжета безупречно, а развязка удивила даже меня. Я постоянно читаю детективы и триллеры, это мое хобби, и мы с Алекс часто их обсуждаем. Она многому научилась у моих любимых авторов.

– Понимаете ли вы, насколько нездорово для ребенка в столь юном возрасте фантазировать о жестоких убийствах? Да дети не должны даже знать о таких вещах! Взгляните еще раз на рассказ – он как будто сочинен взрослым человеком!

– По-моему, это комплимент ее писательскому мастерству. Моя Алекс сумела написать рассказ, который всерьез вас напугал, – чего же лучше?

– Это не повод для шуток, мистер Уинслоу! – воскликнул учитель. – Отнеситесь к этому серьезно!

– Куда уж серьезнее! – возразил Эрик. – Несколько лет назад дочь призналась мне, что, когда вырастет, хочет писать детективы. Тогда я не принял это всерьез – и, видимо, напрасно. У нее талант, его нужно развивать. Полагаю, курсы писательского мастерства ей очень пригодятся. – Он поднялся с места. – Я горжусь своей дочерью, – добавил он. – Вы отдадите мне рассказ? Хочу сегодня обсудить его с Алекс.

Учитель протянул Эрику листочки, а затем пожал ему руку с такой гримасой на лице, словно дотронулся до гремучей змеи.

– Имейте в виду, вы нанесете ей серьезный психологический ущерб, если будете поощрять подобное!

«Поощрять»? Да, черт возьми, именно этим Эрик и собирался заняться! Домой он летел как на крыльях, переполненный радостью и отцовской гордостью.

За ужином из энчиладас и риса по-испански, приготовленных Еленой, и салата, нарезанного самим Эриком, он заговорил с Алекс о ее рассказе.

– Сегодня я был в школе, – сообщил Эрик, отложив в сторону аппетитный пирожок – любимое его блюдо, не считая домашних тортильяс. – Меня вызвал твой учитель литературы.

– Мистер Фарбер? – удивилась Алекс. Она явно не предполагала, что ее рассказ мог вызвать в школе такое волнение умов. – А что случилось?

– Ты описала убийство, которое чертовски напугало его. Он решил, будто у нас в доме нездоровая атмосфера или что-то в таком роде. Рассказ действительно потрясающий. Как ты до такого додумалась?

Дочь просияла, довольная похвалой отца.

– Ну... я вспомнила ту книгу, которую ты мне читал на прошлой неделе, и взяла ее за образец, однако детали придумала сама. А когда сочиняла убийство, постаралась сделать его как можно страшнее, но все-таки не слишком, иначе читатели поймут, что на самом деле такого не бывает, и получится не страшно, а смешно. Еще я старалась писать как можно короче, но так, чтобы все было ясно. И конец сделать совсем неожиданным, чтобы всех удивить!

– Что ж, милая, это тебе удалось! Я читал с интересом с первой же страницы, а в конце прямо рот раскрыл от удивления. Похоже, у тебя настоящий талант!

«И пишешь ты, как мужчина», – мысленно добавил он. В рассказе Алекс совсем не было тех «соплей», что обычно отталкивали Эрика в «дамских» детективах: она не смягчила ситуацию, не навязывала героям примирение или счастливый конец, не пускалась в сентиментальные рассуждения об их чувствах – напротив, писала сжато и жестко, не щадя ни персонажей, ни читателя.

– Это замечательно, – добавил он. – Я впечатлен! Если будешь над этим работать, то станешь хорошим писателем!

Творчество Алекс они обсуждали до конца ужина. Дочь рассказала об идее для следующего рассказа, а отец посоветовал ей больше не показывать свои детективные истории мистеру Фарберу.

– Лучше пиши такие рассказы дома, для себя, – сказал он. – Мистер Фарбер их явно не оценит. – И со смехом добавил: – А ему сдавай сочинения про птичек и бабочек, чтобы он не посадил меня в тюрьму!

Конечно, папа шутил, и все же Алекс не понимала, почему ее рассказ испугал и возмутил учителя. Чувствовалось нечто странное, неправильное в том, что ее любимое увлечение приходится скрывать. Но это была мелочь в сравнении с главным: папе понравилось! Папа ею гордится! Он говорит, что она может стать настоящим писателем!

С тех пор Алекс начала сочинять детективные рассказы дома, по вечерам. Написанное показывала отцу, он обсуждал с дочерью ее труды, порой что-то критиковал или подсказывал, что можно было бы улучшить. Алекс следовала его советам – и мастерство ее росло день ото дня.

Рассказы Алекс Эрик складывал в папку, а когда папка наполнялась, прошивал ее. К концу года у них накопилось более пятидесяти рассказов: одни очень хорошие, другие похуже, но все – вполне «взрослые», без следа детской неумелости и неопытности, с ярким узнаваемым стилем. И сюжет в них развивался столь стремительно и непредсказуемо, что развязка чаще всего оказывалась для Эрика неожиданной.

Да, у дочери определенно открылся писательский дар! Теперь Эрик поощрял ее читать взрослые детективы и триллеры – книги своих любимых авторов: Дэшила Хэммета, Дэвида Моррела, Майкла Крайтона, Жоржа Сименона.

Выходные дни Алекс проводила за чтением детективов и многому училась у мэтров.

На двенадцатый день рождения дочери Эрик преподнес ей необычный подарок: портативную пишущую машинку «Смит-Корона», подержанную, но в отличном состоянии, и научил с ней обращаться. Через две недели Алекс уже печатала всеми десятью пальцами. Машинку она очень полюбила.

– Многие знаменитые детективщики работают на старых пишущих машинках, – объяснил отец. – Говорят, в них есть особое волшебство.

Лучась от гордости, Алекс продемонстрировала пишущую машинку подруге Бекки, пришедшей к ней в гости. Но та машинку не оценила.

– Что ты с ней делаешь? – спросила она.

– Ну... играю по выходным, – уклончиво ответила Алекс. Их с папой секрет она выдавать не собиралась.

– Старье какое-то, – наморщила носик Бекки.

К тринадцатому дню рождения у Алекс скопились уже три толстые папки рассказов. Вместо подарка отец на сей раз повез ее на Букер-кон – ежегодный съезд писателей-детективщиков. Алекс была в восторге, слушала выступления как замороженная, побывала на нескольких мастер-классах, а вернувшись домой, написала еще один великолепный рассказ.

Пожалуй, пора ей начать печататься, решил Эрик. И они как раз обсуждали, в какой детективный журнал лучше послать свой рассказ и с какого рассказа начать... как вдруг произошло что-то странное. Неожиданно отец растерянно оглянулся вокруг. Потер лоб. Взглянул на Алекс так, словно не узнавал ее.

– А ты кто такая? – спросил он странным тоном. – Соседская девочка? Что ты здесь делаешь?

Алекс не знала, что ответить, и в изумлении смотрела на него. Через мгновение все прошло, перед ней снова сидел ее папа – только вид у него был такой, словно он только что проснулся.

– Папа, что с тобой? – с испугом спросила она.

Он запнулся, а затем махнул рукой:

– Все в порядке, милая. Все хорошо. Просто решил над тобой подшутить. Можешь вставить это в следующий рассказ!

– Папа, не шути так больше! Я испугалась! – попросила Алекс.

Но через несколько недель это повторилось снова. На бейсбольном матче. День был очень жаркий. Играли «Ред Сокс» и «Янкис» – «Ред Сокс» вели шесть к трем. Посередине игры Эрик вдруг обернулся к Алекс, и она заметила у него все тот же растерянный, непонимающий взгляд.

– Кто это играет? – произнес он. – «Янкис» с «Ориолс»?

– Что ты, папа! Это «Янкис» и «Ред Сокс»!

– Ах, да... – пробормотал Эрик, и, казалось, снова стал самим собой. Однако Алекс ясно видела: полминуты, а может, и целую минуту папа не понимал очевидных вещей, не знал того, что точно должен был знать. Она спросила его об этом, и он ответил: ничего страшного, вероятно, от жары в голове помутилось.

В следующий раз это случилось на работе. Со странным, растерянным видом Эрик выглянул из кабинета и спросил секретаршу, что она тут делает, ведь сегодня выходной. Секретарша не знала, что ответить. Но дальше – и в этот день, и в следующие – Эрик вел себя как обычно, об этом не вспоминал, и секретарша решила, что он просто пошутил.

Это повторялось снова и снова. За несколько месяцев – десятков раз. И однажды – после того, как, вернувшись домой с работы, он спросил Елену, кто она такая и что здесь делает, – Эрик ясно понял: с ним творится что-то неладное. Возможно, опухоль в мозгу или нечто подобное. Отмахиваться от этого больше нельзя.

Он записался к врачу и рассказал на приеме о своих симптомах. Время от времени в мозгу словно случается короткое замыкание: он перестает узнавать знакомых и близких, понимать, что происходит вокруг. Порой даже не понимает, где он, или забывает собственное имя. Это длится недолго, однако повторяется все чаще и чаще.

Врач отнесся к его словам серьезно, направил к невропатологу, а тот назначил различные анализы и исследования. Дочери Эрик пока ничего не рассказывал.

Через несколько недель он отправился к невропатологу узнать результаты анализов – и по дороге в кабинет врача, в лифте, у него снова случилось помрачение. На сей раз оно длилось дольше обычного: почти десять минут Эрик бесцельно ездил в лифте вверх-вниз, нажимая кнопки, не в силах сообразить, где находится и как отсюда выбраться. Вскоре в голове у него прояснилось, он нажал кнопку нужного этажа – и вышел потрясенный, дрожа от пережитого испытания. Ощущение полной растерянности и беспомощности, чувство, что рассудок ему отказывает, вселило в него неведомый прежде страх.

В кабинете врача Эрик сообщил: у него только что был очередной приступ. Не умолчал и о том, что приступы стали чаще: теперь они случаются примерно раз в неделю и длятся дольше, по несколько минут. Что же с ним происходит?

– Доктор, у меня опухоль мозга? – с тревогой спросил он, отчаянно надеясь услышать: нет, ничего такого, это просто напряжение и стресс.

Тем более что для стресса имелись причины: в последнее время на работе у Эрика тоже не ладилось. Он не понимал, в чем дело: работал, как всегда, вдумчиво и добросовестно, презентациям уделял даже больше времени и внимания, чем обычно, но почему-то его презентации перестали впечатлять клиентов, и фирма упустила уже несколько выгодных контрактов.

– Нет, опухоли у вас нет, – ответил врач. – Но, боюсь, мне нечем вас порадовать. Исследование вашего мозга показало некоторые отклонения в его функционировании.

– Что же там такое? Может, я перенес инсульт на ногах?

Врач покачал головой:

– Данные указывают на то, что у вас ранняя форма болезни Альцгеймера, или деменции. К сожалению, эта болезнь неизлечима. Я могу выписать вам лекарства, замедляющие ход дегенеративного процесса, но ни повернуть его вспять, ни даже остановить болезнь нам не удастся. Трудно сказать, с какой скоростью пойдет процесс, однако я обязан вас предупредить: рано или поздно вы станете инвалидом.

– Мой отец заболел деменцией в шестьдесят лет, – растерянно пробормотал Эрик, и на его глаза навернулись слезы. – И мне сейчас шестьдесят четыре... Но как же так? Моей дочери всего тринадцать! И вы говорите, что я стану слабоумным? Кто же о ней позаботится?

– Об этом, мистер Уинслоу, вам необходимо подумать, не откладывая, – мягко произнес врач. – Простите, что пришлось сообщить вам дурную весть. Насколько я могу судить, сейчас вы в хорошем состоянии и еще какое-то время останетесь на этом уровне. Но если мой диагноз верен, рано или поздно ваше состояние начнет ухудшаться. Вам следует привести в порядок свои дела.

Он выписал Эрику рецепты на лекарства и предложил прийти через месяц, а если состояние заметно ухудшится, то и раньше.

Эрик вышел от врача как в тумане. Было лишь четверть третьего, он собирался вернуться на работу, но понял, что работать сегодня не сможет. Позвонил на фирму, сказался больным и отправился домой. Дома в кухне хлопотала Елена, и полминуты он мучительно вспоминал, что это за женщина и как ее зовут.

– Мистер Уинслоу, вы не заболели? – с беспокойством спросила она, заметив его странный вид.

Эрик ответил, что, кажется, подхватил грипп, и поспешно скрылся в своей комнате. Там он скинул пиджак, ослабил узел галстука и бросился ничком на постель. Множество мыслей крутилось у него в голове, одна другой страшнее и безнадежнее; и тяжелее всего было думать об Алекс. Что с ней станет? В целом свете у нее нет никого, кроме отца! Положим, кое-что он ей оставит, да и страховки хватит на несколько лет безбедной жизни, но что толку с этого, если еще пять лет она не сможет жить самостоятельно?

Эрик набрал номер своего адвоката, договорился о встрече на следующий день и снова рухнул на кровать.

Пришла из школы Алекс. Елена сказала ей, что отец приболел, лег вздремнуть и просил его не беспокоить. Дверь в свою комнату Эрик запер, чтобы дочь не слышала доносившихся оттуда сдавленных рыданий.

На следующий день Эрик отправился к Биллу Бьюкенену, своему адвокату. Тот выслушал дурную весть с ужасом и глубоким сочувствием. Они с Эриком не были особенно близки, но как адвокат с клиентом общались много лет. Прежде всего Эрик с помощью Билла составил опись своего имущества и активов. Денег было достаточно, чтобы Алекс могла безбедно жить на них несколько лет и получить хорошее образование. Однако оставался главный вопрос: где и с кем она будет жить? Еще много лет назад Эрик назначил Билла своим душеприказчиком и опекуном Алекс в случае своей внезапной смерти, но тогда это казалось простой формальностью. Он был уверен, что проживет лет двадцать, не менее, а если повезет, то и тридцать. Теперь все изменилось. Уже через год-другой он станет беспомощным инвалидом. Забота и уход – и средства на это – понадобятся ему самому. Кто же позаботится об Алекс? Они обсуждали разные варианты, но Эрик ясно понимал, что дочери не подходит ни один.

Адвокат подтвердил готовность стать опекуном Алекс и распорядиться семейным имуществом в случае, если (точнее, уже не «если», а «когда») Эрик утратит дееспособность. Он согласился с тем, что Алекс заслуживает качественного образования. Сейчас она учится в

хорошей частной школе Бостона, в следующем году перейдет в старшие классы, делает большие успехи – так же должно продолжаться и дальше. Но девочке нужно не только образование, продолжил Билл, кто-то должен за ней присматривать, когда это не сможет делать отец.

Жить в отцовском доме одной, без родственников или опекунов, девочка-подросток не может. Нет, и с экономкой тоже. Это запрещено законом. Пожалуй, лучший выход – школа-интернат. Там Алекс будет проводить учебный год, а на каникулы пусть ездит домой к друзьям.

Но Эрик создавал, что это не выход. Алекс – домашняя девочка, в интернате она будет чувствовать себя как в клетке. И вряд ли близко сойдется с кем-либо из сверстников, чтобы с радостью проводить с ними весь год: она больше привыкла общаться со взрослыми, а постоянные разговоры с отцом сделали ее не по годам серьезной и вдумчивой. Ей будет трудно влиться в обычную подростковую компанию.

– И все же иного выхода я не вижу, – покачав головой, заметил адвокат.

А выход нужно было искать немедленно. Прописанные врачом лекарства поначалу, казалось, улучшили состояние Эрика, но вскоре приступы возобновились. Теперь они случались уже каждый день, иногда по несколько раз. Работать становилось сложнее, и через два месяца после постановки диагноза Эрика вызвал к себе начальник отдела кадров и попросил объяснить, что с ним происходит. Эрик пробормотал что-то про плохое самочувствие, начал уверять, будто скоро придет в норму, однако кадровик заявил сочувственно, но твердо: у вас, мол, через год наступает пенсионный возраст, так, может, не ждать и выйти на пенсию уже сейчас?

– Почему бы вам не отдохнуть, не насладиться жизнью? – сказал он. Эрик ясно создавал реальность, стоявшую за этими сладкими словами: фирма хочет от него избавиться.

Через несколько недель его проводили на пенсию. Проводили торжественно, вручили памятный подарок. Но, перестав работать, Эрик словно оказался в пустоте. Целыми днями он бродил по дому, не понимая, чем себя занять. Даже любимые детективы перестали приносить радость, теперь они казались слишком запутанными и скучными. Эрик уходил из дома, часами гулял по городу, думая обо всем и ни о чем, и порой не сразу понимал, как вернуться обратно. Обычно он находил дорогу домой, но однажды заблудился. Какая-то женщина, проезжавшая мимо на машине, заметила растерянного пожилого человека, остановилась и спросила, не нужна ли ему помощь. Эрик смущенно ответил, что не может найти свой дом. Она усадила его в автомобиль и повезла на поиски; в какой-то момент он начал узнавать знакомые места – и поразился тому, как далеко забрел.

Когда они приехали, Алекс была уже дома и увидела, что отец выходит из машины и благодарит какую-то женщину, молодую и симпатичную.

– Папа, кто тебя подвез? – поинтересовалась она.

«Может, отец завел роман? – думала Алекс. – Вот хорошо бы: ведь он места себе не находит с тех пор, как вышел на пенсию!»

– Да так, ничего особенного... встретил старую знакомую, – торопливо ответил Эрик и поспешил к себе в комнату. Ни за что не признался бы он дочери, что заблудился в родном городе, а чужая добрая женщина привезла его, словно ребенка, домой.

Все чаще и чаще Эрик, взрослый и сильный мужчина, ощущал себя беспомощным... Это выводило его из себя, и порой он делал то, чего желал меньше всего на свете, – срывался на Алекс. Эрик начал кричать на дочь – подобного никогда прежде не случалось, но изумление и обида в ее глазах останавливали его и наполняли жгучим стыдом.

Постепенно Алекс стала подозревать, что с папой что-то неладно. Выглядел он совсем не так безупречно, как раньше, сделался раздражительным и забывчивым, и хуже того – перестал читать. По-прежнему покупал новые детективы своих любимых авторов, однако теперь бросал их, едва прочитав несколько страниц.

– Папа, ты не заболел? – с тревогой спрашивала Алекс.

– Что ты, милая, со мной все в порядке! – с улыбкой отвечал он, но сам понимал: дела его идут хуже и хуже.

В августе, перед новым учебным годом Алекс с отцом отправились на три недели отдохнуть в Мэн, и на третий же день Эрик заблудился в лесу. Пришлось высылать за ним поисковую группу. Нашли его в двух шагах от отеля. Эрик смущенно и сбивчиво объяснял, что у него сломался компас и он не смог сориентироваться на новом месте. Он был пристыжен. Остаток поездки прошел без происшествий, если не считать того, что несколько раз Эрик растерянно смотрел на дочь и обращался к ней: «Э-э-э...», словно пытался вспомнить, как ее зовут.

Теперь Алекс все яснее понимала: с папой что-то не так. Она по-прежнему сочиняла рассказы и складывала в папку, но Эрик больше не читал их и не обсуждал с ней. А первого сентября не повез ее на машине в школу. Много перемен, мелких, однако каждую из них Алекс замечала. Может, у него депрессия? – думала она. Или его что-нибудь беспокоит? Отец постоянно выглядел рассеянным, когда они вместе выходили на улицу, уже не шагал уверенно вперед, а предоставлял дочери выбирать дорогу. Несколько раз Алекс видела, что он как будто не может сориентироваться в квартале, где прожил всю жизнь. Однажды, вернувшись из школы, она застала отца в гостиной в одних трусах – никогда прежде такого не бывало. Елена сказала, что перед этим он целый день проспал. Поведение Эрика менялось понемногу, но неуклонно, день за днем, словно какое-то невидимое чудовище откусывало по кусочку от папы, которого Алекс так любила.

К октябрю она уже не могла скрывать от себя правду: было очевидно, что отец теряет рассудок.

Утром, когда он отказался вставать, не понимал, где он, и не мог вспомнить, как ее зовут, Алекс вызвала семейного врача. Тот объяснил ей, что происходит, не умолчал и о том, что состояние Эрика будет ухудшаться, и, похоже, уже скоро придется отправить его в специальный пансионат. Алекс выслушала врача спокойно и собранно, с самообладанием, удивительным для четырнадцатилетней девочки, и ответила, что никуда «сдавать» папу не собирается. Пока это возможно, он останется дома, и она будет ухаживать за ним сама.

Врач помог ей нанять медбрата, чтобы ухаживать и приглядывать за отцом в рабочие дни; по выходным, сказала Алекс, она будет все делать сама.

Впрочем, тщательно следить за Эриком не требовалось. Он быстро терял силы, интерес к жизни и хотел теперь только спать. Сидя у его постели, Алекс читала отцу отрывки из любимых книг, но он, кажется, вовсе их не узнавал и не понимал. Отец превратился в беспомощного ребенка, и это разрывало ей сердце; но она разговаривала с ним так, словно он по-прежнему все понимает, и прилагала все силы, чтобы сохранять его достоинство и обращаться с ним с уважением.

Болезнь быстро прогрессировала: к Рождеству Эрик уже никого, кроме дочери, не узнавал. Алекс больше не справлялась с уходом за ним, и пришлось нанять еще одного медбрата. Разум Эрика был полностью помрачен: он уже почти не говорил, несколько раз в пижаме убежал на улицу, а однажды вышел в кухню, где находилась Елена, и с идиотской ухмылкой скинул с себя всю одежду. Елена ахнула, прижав руку ко рту, зарыдала и выбежала вон.

Алекс бросила писать, времени сейчас едва хватало на то, чтобы кое-как делать домашние задания. Все силы, физические и душевные, уходили на заботу об отце.

В рождественские каникулы Эрик перестал есть и вставать с постели. Неделю его кормили внутривенно, а затем отвезли в больницу, чтобы поставить желудочный зонд. Глядя, как отца увозят на «скорой помощи», Алекс горько плакала, а Елена и Пэтти тщетно старались утешить ее.

Остаток каникул Алекс провела в больнице, у его постели. К Новому году отец перестал узнавать и ее. Разум превратился в чистый лист, сам он – в младенца. Теперь Эрик только спал,

когда его что-то беспокоило – плакал. Порой смеялся без причины и махал руками. Зонд свой постоянно выдергивал, так что в конце концов пришлось связать ему руки.

Всю оставшуюся неделю каникул Алекс почти не выходила из больницы – даже ночевала на кушетке рядом с кроватью отца, хотя он ее не узнавал. В первый день отправилась из больницы в школу, а затем снова вернулась к отцу и увидела, что палата пуста. Она подумала, что его куда-то перевели – или, может, отвезли на осмотр. Заметив, что Алекс стоит посреди палаты и растерянно озирается, вошла старшая медсестра – и по ее лицу Алекс поняла все.

– У меня печальные новости, – сказала медсестра и обняла ее. Как и все в отделении, за эту неделю она успела хорошо узнать и полюбить девочку, тихую, не по годам серьезную, безупречно воспитанную и преданную отцу.

Алекс замерла. Слова медсестры о том, что отец скончался тихо и мирно, во сне, доносились словно откуда-то издалека. «Зачем я пошла сегодня в школу? – думала она. – Я ведь так и не попрощалась с ним... даже не попрощалась». И при мысли, что простаться, в общем, было уже не с кем, что Эрик Уинслоу, ее обожаемый папа, покинул этот мир, становилось еще горше.

Из больницы ее забрала Елена. Билл Бьюкенен организовал заупокойную службу и похороны. Церковь была полна – пришли старые друзья и сослуживцы Эрика, все, кто знал и уважал его при жизни. На кладбище Алекс поразились, увидев могилу матери. Эрик не говорил ей, что Кармен тоже похоронена здесь, на семейном участке. Теперь они снова вместе, думала Алекс.

Поминок не было – лишь несколько ближайших друзей Эрика заехали после похорон к нему домой, чтобы выразить дочери соболезнования. Всю ночь Алекс просидела без сна в кабинете отца, в его любимом кресле, представляя, что он сейчас с ней.

На следующий день к ней пришел Билл Бьюкенен. Сообщил, что, согласно воле отца, теперь он ее опекун. Опекунство предстоит утвердить в суде, но это чистая формальность. Рассказал, что финансово Алекс вполне обеспечена, у нее есть возможность получить образование и жить безбедно, пока она не начнет работать. Однако есть серьезная проблема, которую отец при жизни решить не сумел. Где и с кем ей теперь жить?

– Разве я не смогу остаться тут с Еленой? – прошептала Алекс.

Мягко и сочувственно Билл объяснил, что это невозможно. Закон запрещает детям до восемнадцати лет жить без надзора взрослых. И Елена здесь не помощница: у нее свой дом и семья, по вечерам она уходит домой, по выходным не работает, значит, Алекс будет находиться одна. Нет, это не выход. Дом останется за ней, однако Эрик сам предложил Биллу на эти несколько лет сдавать его внаем, чтобы подзаработать денег и сохранить дом в хорошем состоянии. А Алекс эти несколько лет придется прожить где-то еще.

– Я не хочу в интернат! – решительно заявила девочка, словно прочитав его мысли.

Билл лишь пожал плечами. Он и сам понимал, что это не лучший вариант, но иного выхода не видел. Родных у нее нет. А жить четыре года под присмотром экономки и добрых соседок – невозможно.

– Давай вместе об этом поразмыслим, – предложил он. – Вероятно, что-нибудь придумаем. А пока поживи тут.

Он попросил Елену пожить несколько дней в доме, присмотреть за Алекс, и та согласилась.

«Ума не приложу, что делать!» – сокрушался Билл по дороге домой. Дочь Эрика, не по годам разумная, серьезная и ответственная, запала ему в душу, и хотелось как-то устроить ее судьбу. Но что тут можно предложить, он не представлял.

Мысли об Алекс Уинслоу не давали ему покоя и дома, и Билл решил посоветоваться с женой.

– Ее отец тоже не хотел, чтобы она отправилась в интернат, – рассказывал он. – Понимал, что девочке там будет плохо. Она необычная – не из таких детей, что легко вливаются в ком-

панию сверстников. А на каникулах ей будет и вовсе некуда податься. Но, с другой стороны, куда же еще ее девать?

– Билл, – произнесла Джейн Бьюкенен, – у меня есть идея. Конечно, совершенно безумная, но... дай-ка я позвоню!

Она встала из-за стола и набрала номер своей кухни.

Кухня Джейн, Мэри-Маргарет – или Мэри-Мэг, как звали ее в семье, – была энергичной женщиной. Вот уже много лет она возглавляла женский доминиканский монастырь в пригороде Бостона. Сиротского приюта или пансиона для девочек там не было, в монастыре жили взрослые женщины, по большей части полные сил и работающие где-то в городе. По вечерам в монастыре действовала школа для взрослых: монахини читали лекции и вели семинары для женщин по соседству. Атмосфера монастыря, когда Джейн бывала в гостях у кухни, напоминала ей студенческое общежитие, правда, с весьма суровыми порядками, но с живой, творческой обстановкой, полное интеллектуальных разговоров обо всем на свете и интересных проектов. Сама матушка Мэри-Мэг, хотя годы ее приближались к шестидесяти, была энергична и полна идей. Она шла в ногу со временем, и ее «вечерняя школа» собирала вокруг себя множество людей – не только католиков, но и тех, кто хотел духовно расти и развиваться. «Это хороший способ привлечь людей к Богу», – говорила матушка Мэри-Мэг. Не обходилось без проблем с вышестоящим церковным начальством. Порой ей напоминали, что монастырь не должен превращаться в развлекательный центр, но она упирала на то, что заботится о духовном здравии местной католической общины, и епископ закрывал глаза на нарушения монастырского устава.

Как обычно, Мэри-Маргарет не сразу подошла к телефону.

– Извини, – произнесла она, запыхавшись, – я занималась пилатесом. Мы только что открыли у себя секцию пилатеса для сестер и прихожанок – так увлекательно!

Еще, как помнила Джейн, Мэри-Маргарет посещала в собственном монастыре кружки фотографии и кулинарии. В своем почтенном возрасте она сохранила интерес к жизни, и монашеские обеты не мешали ей постоянно учиться чему-то новому.

– Что случилось?

– Мне нужен твой совет. У Билла проблема, связанная с недавно умершим клиентом.

– Дорогая, но ведь я не адвокат и не похоронный агент! – По профессии Мэри-Маргарет была медсестрой.

– Зато ты в нашей семье самая умная!

И Джейн поведала кухне печальную историю Алекса: в четырнадцать лет она осталась круглой сиротой, без единого близкого человека на свете.

– Наверное, денег у нее немало, раз ее отец был клиентом Билла, – практично заметила Мэри-Мэг.

– Да, денег хватает. Он не был баснословно богат, но оставил дом, кое-какие сбережения и приличную страховку. Проблема в том, что девочке некуда податься и негде жить, пока она не подрастет.

– Бедный ребенок, – сочувственно пробормотала Мэри-Маргарет. – А как насчет школы-интерната?

– Она не хочет в интернат. Похоже, там ей действительно будет плохо. Билл говорит, девочка необычная. Много лет жила с отцом: мать их бросила, а потом умерла, когда малышке было девять лет. Билл говорит, она очень умная, начитанная, по уму и развитию определенно старше своего возраста, однако застенчивая и не слишком хорошо сходится с другими детьми. Всегда больше общалась со взрослыми и ладила с ними лучше, чем со сверстниками. Интернат для нее станет тюрьмой.

– А где она учится сейчас?

Джейн назвала школу, и это впечатлило Мэри-Маргарет.

– Жаль, если придется забрать ее оттуда. Но Билл прав, одной в четырнадцать лет жить нельзя. Я бы взяла ее к себе, но у нас здесь нет ни приюта, ни чего-либо подобного. И в государственный приют отправлять ее нельзя ни в коем случае – там будет хуже, чем в интернате... Чего же ты от меня хочешь?

– Придумай что-нибудь! – попросила Джейн. – Не знаю человека, который решал бы проблемы лучше тебя! Может, ты знаешь, куда ее можно пристроить? В детском коллективе ей точно делать нечего, она уже не ребенок.

– Но и не взрослая. А наши монахини – не няньки. Днем все работают, вечером у нас занятия в вечерней школе. – Мать настоятельница помолчала. – Хотя с другой стороны... знаешь, идея, конечно, безумная... У начальства моего, естественно, будет припадок, но, может, мне удастся получить разрешение? Однако, если она не хочет в интернат, то вряд ли придет в восторг от идеи жить в монастыре.

– Ну, особенно выбирать ей не приходится.

– Вот что: давай я подумаю об этом сама и спрошу остальных. Помимо всего прочего, у нас ведь сейчас и места нет. Монастырь полон – двадцать шесть сестер! Правда, есть одна свободная комната наверху... Послушай, но сама-то она будет готова жить с монашками?

– А может, посмотрит на вас и решит посвятить жизнь Богу? – поддразнила ее Джейн.

– Нет, молодежь мы давно не постригаем. Я сама, как ты знаешь, только в тридцать лет приняла обет, хотя готовилась к этому с молодости. Сейчас у нас самой молодой монахине под тридцать, а большинству уже за сорок. Если я начну затаскивать к себе совсем юных, меня с позором выгонят из ордена! – рассмеялась она. – А ты встречалась с этой девочкой? Какая она?

– Билл говорит, очень милая.

– Что ж, давай я обсужу проблему с сестрами и завтра перезвоню тебе.

Мэри-Маргарет управляла своим монастырем демократично, хотя последнее слово всегда оставалось за ней, а на любые необычные шаги, разумеется, требовалось разрешение епископа или даже архиепископа.

– Спасибо! Я просто не знала, к кому еще идти!

Ночью мать Мэри-Мэг все хорошенько обдумала, помолилась, прося Бога подсказать ей верное решение, а утром, за завтраком после шестичасовой мессы, изложила проблему другим монахиням. Завтрак был временем, когда они собирались вместе; дальше почти все разъезжались по своим рабочим местам, и в монастыре оставались лишь две престарелые монахини.

– Итак, сестры, что скажете? – спросила настоятельница, пока монахини передавали друг другу блюдо с поджаренным хлебом. Пища в монастыре была самой простой, и готовили ее все по очереди.

– Мы готовы взять на себя ответственность за четырнадцатилетнюю девочку? – скептически протянула сестра Томас. Одна из самых старших монахинь, она вырастила шестерых детей и приняла священный обет после того, как скончался ее муж и достигла совершеннолетия младшая дочь. – Это же ужасный возраст, – добавила она, поморщившись, и присутствующие рассмеялись.

– Тебе лучше знать!

– Точно вам говорю! Секс, наркотики, рок-н-ролл – ни о чем другом они не думают. И постоянно огрызаются. Даже мои дочери в четырнадцать лет были невыносимы!

– Но ей совсем некуда идти, – напомнила мать Мэри-Мэг. Сама она уже все решила, но не хотела давить на остальных или принуждать их. Нет, пусть сами примут правильное решение. – Давайте попробуем. Посмотрим, сможем ли мы с ней справиться. А если ничего не получится или с ней будет слишком сложно, пусть отправляется в интернат, хочет она того или нет. Что скажете?

– А где она станет учиться? – спросила сестра Регина, самая молодая монахиня. Ей было двадцать семь лет, а в монастырь она поступила в пятнадцать, к большому неодобрению матери

Мэри-Мэг. У себя в монастыре Мэри-Мэг подобного не допустила бы, она придерживалась мнения, что монашеский путь должны избирать люди взрослые, хорошо понимающие, что делают, – но это произошло в Чикаго.

– Будет ходить в нашу приходскую школу, – ответила Мэри-Мэг. – К сожалению, возить ее через весь город в нынешнюю школу мы не сможем. Но и наша приходская школа дает вполне приличное образование. Если эта девочка действительно так умна и способна, как рассказывает моя кузина, то проблем у нее не возникнет. Давайте для начала с ней познакомимся. Может случиться и так, что ни мы ей не понравимся, ни она нам.

С этим все согласились, и, торопливо вымыв за собой посуду, разошлись по своим делам. Мать Мэри-Мэг проверила почту, заказала для монастыря продукты на неделю на оптовой базе, чтобы вышло дешевле, а затем позвонила Джейн:

– На общем собрании мы решили, что для начала надо с ней познакомиться. По-моему, вполне разумно. Может, девочка не захочет жить среди монашек в монастыре. Решит, что лучше уж в интернат.

– Но вы с сестрами готовы ее принять? – с надеждой спросила Джейн.

– Пусть поживет у нас несколько месяцев.

– Я сообщу Биллу. Спасибо, ты просто святая! – воскликнула Джейн, и ее кузина рассмеялась.

– Совсе нет! До того как попала сюда, знаешь ли, я вела далеко не святую жизнь! Просто хочу помочь сиротке. Билл сможет привезти ее сюда сегодня вечером?

– Мы постараемся.

– Завтра вечером у нас занятия в вечерней школе, а на выходных здесь всегда слишком шумно. Так что лучше всего познакомиться сегодня.

– Я скажу Биллу.

– Пусть приезжают к ужину, к шести часам.

Тепло попрощавшись с кузиной, Джейн позвонила мужу на работу, рассказала об их плане и попросила: если Алекс не откажется от жизни в монастыре, привезти ее туда сегодня к шести часам.

Билл заехал к Алекс домой после школы и сообщил об этом. Не умолчал и о том, что это единственная альтернатива интернату, какую они с женой смогли придумать.

– В монастыре? С монахинями? – в изумлении переспросила Алекс. Они с отцом порой ходили в церковь, но особенно религиозными не были. – Они захотят, чтобы я тоже стала монахиней?

Билл невольно рассмеялся, хотя понял ее опасения:

– Вряд ли! Сколько я знаю кузину своей жены, навязывать тебе веру или тем более монашеские обеты она точно не станет. Она предложила это, чтобы помочь тебе. Монахини вообще не будут особенно тебя трогать: дел у них по горло, все работают, кто в католических школах, кто в больницах, а по вечерам у них занятия. Полагаю, они захотят, чтобы ты ходила в местную приходскую школу, хорошо училась и помогала по хозяйству – и хватит с тебя.

Итак, в любом случае ей придется перейти в другую школу. Вся жизнь Алекс перевернулась со смертью отца. Когда Билл ушел, она направилась в кабинет Эрика, села в любимое отцовское кресло и долго смотрела на шкаф, полный книг, которые они читали вместе. Теперь они отправятся на склад, на несколько лет, пока Алекс не повзрослеет настолько, чтобы вернуться сюда. Дорогие, любимые вещи, хранящие память об отце, среди которых прошло ее детство, – все они, упакованные в коробки и ящики, исчезнут с глаз долой. И ее саму отошлют, словно на склад, то ли в интернат, то ли в монастырь; Алекс не могла решить, что хуже. Со слезами на глазах она вышла из отцовского кабинета, заглянула в кухню и увидела там плачущую Елену. Они бросились друг другу в объятия и зарыдали; Алекс сама не знала, об отце она плачет или о себе.

Глава 5

В тот день Билл Бьюкенен ушел с работы раньше обычного, чтобы к шести часам отвезти Алекс в доминиканский монастырь. Алекс ждала его дома, в простом черном платье и туфлях без каблуков. Глаза покраснели, словно она долго плакала. Билл понимал чувства девочки, однако не винил ее отца. Беда обрушилась на Эрика слишком внезапно: крепкий еще мужчина шестидесяти с небольшим лет, он не мог представить, что совсем скоро дочь останется сиротой – а дальше... дальше болезнь развивалась стремительно, и слишком быстро он утратил способность принимать даже самые простые решения. Эрик просто не успел.

Машина мчалась по серым улицам, залитым дождем. Алекс невидящим взором смотрела в окно. То представляла мрачные стены монастыря и монахинь – сердитых высохших старух в черных одеждах; то мысли ее возвращались к папе – к тому, во что он превратился в последние дни; и ни в прошлом, ни в будущем она не находила утешения.

– Все нормально, Алекс? – спросил Билл.

Она кивнула.

– Уверен, кухня моей жены тебе понравится, – бодро произнес он. – Она замечательный человек, хотя и монахиня. Добросердечная, деятельная, и с чувством юмора у нее все в порядке.

Алекс промолчала. Мать настоятельница монастыря с чувством юмора? Такого она и представить не могла, это казалось невероятным.

Когда машина остановилась, Алекс долго сидела, не решаясь выйти. Школа-интернат теперь представлялась не такой уж страшной участью.

Монастырь был именно таким, как она воображала: крупное, мрачное, серое здание, раскинувшееся на просторном участке, заросшем плодовыми деревьями и кустарником. С одного края виднелись церковный шпиль и колокольня. Медленно, почти волоча ноги, Алекс вышла из салона и побрела за Биллом. Но, переступив порог, она словно попала в совершенно иной мир – мир, которого никак не ожидала и даже представить не могла!

Кельи монахинь располагались на втором этаже; весь первый этаж мать Мэри-Маргарет отвела под вечернюю школу, секции и студии. Был вечер; и, войдя в холл, Билл и Алекс оказались в центре шумной, яркой жизни. Похоже, здесь собирались и дети, и их родители. С одной стороны ребята из художественной студии гордо демонстрировали матерям свои рисунки и поделки из глины, с другой – группа мальчиков-подростков со спортивными сумками направлялась в гимнастический зал. На стене висело расписание: гимнастика для беременных, школа молодых родителей, пилатес... и объявление: в следующем месяце, по многочисленным просьбам местных жителей, монастырь открывает художественную студию для пенсионеров! Повсюду шум, громкий смех, болтовня и радостные крики детей.

Билл не был здесь несколько лет и поразился, как Мэри-Маргарет удалось преобразить монастырь. Тихий приют невест Христовых превратился в пестрый, многолюдный, кипящий жизнью центр местной общины. Просто отлично, думал Билл, что Мэри-Маргарет не стала затворяться от мира, как нередко поступают церковники, а напротив, шагнула в него и сумела завоевать любовь своих соседей!

За конторкой их встретила женщина в футболке и джинсах – как ни удивительно, монахиня. Билл спросил, где найти мать настоятельницу, и она указала куда-то в конец длинного холла. Пройдя мимо распахнутых дверей спортивного зала, Билл и Алекс заметили женщину. Стоя на стремянке, она вкручивала лампочку в абажур. В джинсах и красной толстовке, юношески стройная и подвижная – лишь длинные, почти совсем седые волосы, собранные в хвост, свидетельствовали о том, что она уже не молода. Женщина взглянула вниз, и при виде стро-

гого костюма Билла и черного платья Алекс на ее симпатичном улыбчивом лице отразилось смущение.

– Ох, простите! Мне следовало надеть «униформу». Забегалась, не успела переодеться.

Закончив вкручивать лампочку, она спустилась и отставила стремянку к стене. Затем чмокнула Билла в щеку, а с Алекс поздоровалась за руку и жестом пригласила их к себе в кабинет. Алекс смотрела на нее во все глаза, не зная, чему удивиться больше – улыбке, звонкому молодому голосу или толстовке с эмблемой Стэнфордского университета.

– Я мать Мэри-Маргарет, – произнесла настоятельница, – но все зовут меня мать Мэри-Мэг. Очень рада, что вы приехали. По вечерам у нас оживленно. Мы ведем много кружков и семинаров для людей по соседству, ведь днем все работаем.

Она указала посетителям на плетеные стулья, а сама заняла место за столом. «Неужели это настоятельница монастыря?» – удивленно думала Алекс. Эта женщина напоминала учительницу, чью-то маму, даже директора школы, но никак не монахиню!

– До сих пор мы никого не приглашали жить здесь с нами, – продолжила она, – и не уверена, что к этому готовы. Но почему бы не попробовать? Если, конечно, ты не возражаешь поселиться в таком шумном месте и помогать нам по хозяйству. Готовим мы все по очереди – и, когда подходит моя очередь, сестры особенно усердно молятся, – улыбнулась она. – С молотком и дрелью я управляюсь лучше, чем у плиты.

Из скромности мать Мэри-Мэг умолчала об остальных своих талантах, но Билл прекрасно знал, что уже много лет она работает в больнице старшей медсестрой, в колледже специализировалась по психологии и сейчас трудится над диссертацией, а кроме того, получила степень магистра богословия.

– Ну что, Алекс, – спросила она, глядя ей в лицо, – как ты смотришь на то, чтобы пожить тут с нами?

– Не знаю... – тихо и неуверенно промолвила Алекс. – Здесь все совсем не так, как я думала!

– Я соболезную твоей потере. Теперь твоя жизнь должна сильно перемениться. Билл говорил, что ты не хочешь в школу-интернат. Но почему? Со сверстниками тебе, наверное, будет веселее.

– Я не так много общаюсь со сверстниками, – тщательно подбирая слова, произнесла Алекс. – И никуда особенно не хожу, кроме школы. Больше всего я люблю читать и писать. Мама... уехала, когда мне было семь лет, а когда мне исполнилось девять, погибла. Мы остались вдвоем с папой. Рядом со мной всегда находились взрослые... был папа. – Глаза Алекс наполнились слезами, и она закусил губу, чтобы не заплакать.

Мать Мэри-Мэг сочувственно кивнула.

– А что ты пишешь? – поинтересовалась она, ожидая услышать в ответ «стихи», «рассказы» или что-нибудь подобное.

– Детективы, – призналась Алекс. – Школьных учителей мои рассказы пугали, и я перестала показывать их в школе – сочиняла только для себя и для папы. Он говорил, что у меня неплохо получается.

– Что ж, может, однажды ты станешь писательницей, – улыбнувшись, заметила Мэри-Мэг. – В монастыре, Алекс, ты будешь пользоваться почти полной свободой. Все мы здесь заняты, и у сестер не будет возможности следить, где ты находишься или во сколько возвращаешься домой. Твои обязанности будут состоять в том, чтобы ходить в школу, хорошо учиться, выполнять свою часть работы по хозяйству и соблюдать наши правила. В этом хотелось бы на тебя положиться. Стоять над тобой с палкой тут никто не станет, следить за собой и отвечать за себя тебе придется самой. Понимаю, что для твоего возраста это достаточно серьезные требования, но иначе не получится. Что скажешь?

Она смотрела Алекс в лицо и говорила с ней серьезно и прямо, как со взрослой. Так, словно перед ней не девочка, только-только перешедшая в старшие классы, а молодая женщина, решившая поступить в монастырь. Это и пугало Алекс, и наполняло каким-то новым чувством ответственности.

– Да... думаю, я справлюсь, – тихо ответила Алекс.

Билл Бьюкенен уже ясно дал понять матери настоятельнице, что отец оставил дочери неплохое состояние, и ее содержание не ляжет финансовым бременем на монастырь. За стол и кров Алекс сможет заплатить. Мэри-Мэг только отмахнулась: «Да много ли она съест?» Нет, разумеется, небольшой вклад в монастырь она будет только приветствовать, но вопрос не в деньгах. Проблема в ответственности за подростка. И в том, как приживется девочка в монастыре – в необычной и совершенно непривычной для нее обстановке. Семь лет она прожила без матери, а теперь ей предстоит перейти под опеку сразу двадцати шести приемных «матерей»!

Но сейчас, глядя на Алекс, Мэри-Мэг не сомневалась, что все будет в порядке. Как и ожидал Билл, девочка произвела на нее приятное впечатление: серьезная, воспитанная, весьма зрелая для своих лет. Помочь такой сиротке – не только доброе дело, но и удовольствие!

– Что ж, – произнесла Мэри-Мэг, – давайте попробуем. Хочешь сегодня с нами поужинать? Я познакомлю тебя с остальными.

– Да, – кивнула Алекс.

– Вот и отлично! – воскликнула настоятельница и, поднявшись из-за стола, улыбнулась им обоим. – Как раз прозвонил колокольчик на ужин. Ужинаем мы здесь в половине седьмого. Билл, тебе нет нужды тут оставаться, поезжай домой: после ужина одна из наших сестер проведет Алекс по монастырю, все ей покажет, а потом отвезет на машине домой.

Билл попрощался с ними в холле, пообещав позвонить Алекс на следующий день, и мать Мэри-Мэг пошла с девочкой по лестнице в подвальный этаж, где располагалась столовая. Еще издали оттуда слышался оживленный гул женских голосов. Доминиканский орден не предписывает своим братьям и сестрам обет молчания, так что столовая в монастыре сейчас ничем не отличалась от любой другой большой комнаты: монахини смеялись, рассказывали друг другу о том, что интересного случилось с ними за день. Некоторые не переоделись после работы – по большей части трудились они медсестрами в католических больницах – и были в монашеских одеяниях; но многие другие одеты по-простому, в футболках, блузках и джинсах. Алекс это приободрило. При появлении настоятельницы монахини в знак уважения поднялись с мест и нестройным хором приветствовали ее. Они заметили, что рядом с ней стоит девочка, и по столовой пролетел легкий шепоток – все поняли, что это «та самая сиротка».

Мать Мэри-Мэг приблизилась к одному столу, где сидели монахини помоложе. Все они снова поднялись, а затем подвинулись на скамье, освобождая место для Алекс. Та робко села. Монахини тепло улыбались ей, здоровались, называли свои имена, а Алекс, изумленная и ошарашенная, гадала, как сумеет их всех запомнить. Все они казались ей совсем молодыми, веселыми и добрыми, вовсе непохожими на монахинь.

Сестра Регина, сидевшая рядом, протянула ей тарелку с жареными куриными крылышками.

– Если бы ты пришла во вторник, – сказала она, – тебе досталась бы пицца! По вторникам в кухне дежурит сестра София, она итальянка, отлично готовит пиццу и пасту. А из меня повар никакой!

И присутствующие рассмеялись, словно услышали старую и любимую шутку.

Алекс положила себе куриных крылышек, жареного картофеля и шпината. Монахини завели с ней оживленный разговор: расспрашивали о школе, рассказывали, где работают и чем занимаются они сами. Выяснилось, сестра Регина – инструктор по пилатесу, а еще две сестры за столом ведут художественную студию для детей.

– А мальчик у тебя есть? – спросила одна.

Алекс подумала, что это вопрос с подвохом, и покачала головой. Впрочем, мальчиков у нее действительно не было. Случалось, что кто-то в школе ей нравился – но о свиданиях или о чем-то подобном она даже не помышляла. Папа считал, что ей еще рано о таком думать, и Алекс с ним соглашалась.

– А вот у меня в твоём возрасте было сразу двое! – сообщила эта монахиня, и все опять засмеялись.

Она стала рассказывать, что один из этих мальчиков позднее стал священником, сейчас он миссионер где-то в Африке, но до сих пор шлет ей открытки на Рождество.

После ужина сестра Регина показала Алекс, где она будет жить, если останется в монастыре. Комната на верхнем этаже была совсем крохотной – там едва помещались кровать, шкаф для одежды и письменный стол. Вся мебель старая: монахини объяснили, что она досталась монастырю в дар от благотворителей. Ничего привлекательного в комнате не было, и Алекс задумалась о том, как же тут положить свои вещи; но, по крайней мере, здесь есть куда поставить пишущую машинку.

– Наверное, удастся втиснуть сюда пару книжных полок для твоих учебников, – произнесла сестра Регина.

Алекс хотела бы взять с собой книги из отцовской библиотеки – хотя бы те, что они с папой так любили читать вместе. Но уместятся ли они в этой крохотной комнатке?

– Ничего, все равно в своих комнатах мы только спим! – воскликнула сестра Регина, заметив ее расстроенный вид, и отвела Алекс вниз, в холл, где уже ждала их мать настоятельница.

– Отвезешь девочку домой? – обратилась она к сестре Регине, и та пошла за ключами от машины.

– Ну, Алекс, что скажешь? – мягко спросила мать Мэри-Мэг. Она видела, что Алекс ошарашена всем увиденным, и понимала, что ей требуется еще подумать.

– Я с удовольствием перееду и буду жить здесь, – вежливо ответила Алекс. – За ужином все были так добры ко мне!

Но на глаза ее снова навернулись слезы. Она предчувствовала, что будет скучать по родному дому и Елене так же, как сейчас тоскует по отцу. Однако выхода не было. Жизнь ее переменялась мгновенно, и если уж нельзя остаться дома, то лучше переехать в монастырь, где у нее будет своя комнатка, где можно писать, чем в шумную спальню школы-интерната, где нельзя ни на минуту остаться одной.

– Тогда переберешься к нам на этих выходных? Мы все будем дома и поможем тебе устроиться. Детали я обсужу с Биллом, – предложила мать Мэри-Мэг.

Появилась сестра Регина с ключами от одного из четырех монастырских автомобилей. Вместе они вышли на улицу, Алекс села на переднее сиденье и пристегнула ремень. По дороге домой сестра Регина развлекала ее разговором.

– Хорошо, что ты будешь жить с нами! – сказала она, когда впереди показался дом. Алекс уже рассказала монахине, что эти несколько лет, пока она не достигнет совершеннолетия, дом будут сдавать внаем. – Конечно, ты будешь скучать по дому, но что же делать! Обещаю, мы о тебе позаботимся!

Алекс поблагодарила ее, попрощалась и вышла из машины. Сестра Регина смотрела, как она поднимается на крыльцо, отпирает дверь своим ключом, как Елена встречает ее на пороге и бросает любопытный взгляд на автомобиль, как обе они скрываются в доме.

Вернувшись домой, Алекс села на кровать в своей комнате и задумалась.

В крохотной келье, где ей придется жить, совсем нет места, и все же она решила взять с собой книги. Привезет их в коробках, поставит под кровать. Без книг она не мыслила жизни. Возьмет серию про Нэнси Дрю – первые свои детективы, книги, какие читал ей папа: и теперь, когда брала их в руки, она словно слышала его мягкий выразительный голос. Захватит и люби-

мые книги отца. Первые издания, которыми он дорожил, как драгоценными сокровищами. Каждая – будто символ их счастливой прежней жизни.

До глубокой ночи Алекс отбирала книги, какие решила взять с собой, а следующим вечером с помощью Елены упаковала их в коробки.

Расставаться со школой ей было не жаль: Алекс только-только перешла в старшие классы и не успела завести друзей. Но разлука с домом была смерти подобна. Здесь прошла вся ее жизнь – и вся жизнь отца. Алекс казалось, что она выходит из теплого материнского чрева в мир, чуждый и непостижимый, полный незнакомцев. Каково ей придется в монастыре? А если она там не приживется, что тогда? Алекс знала, что с ее деньгами сможет устроиться в любую школу-интернат, но все они представлялись ей одинаково непривлекательными. Везде жизнь по режиму, повсюду шумная толпа сверстников и невозможность побыть одной... Нет, лучше монастырь!

Билл обещал приехать за ней в воскресенье и отвезти ее вместе с вещами на новое место жительства. Одежду отца Елена отдаст в благотворительную организацию, остальное вывезут на склад. А дом сдадут. И долго-долго – восемь лет, до окончания школы и колледжа – Алекс не сможет сюда вернуться. В воскресенье в монастыре Святого Доминика начнется новая глава ее жизни. Сколько она там пробудет? Несколько месяцев, год, пару лет? Что произойдет с ней дальше? Этого Алекс и предположить не могла. Жизнью ее теперь правил случай, и она чувствовала себя корабликом, несущимся по бурному морю без руля и ветрил.

В воскресенье Алекс вместе с Еленой ждала в гостиной, когда за ней приедет Билл. Они собрали вещи: шесть чемоданов с одеждой и личными вещами, двенадцать коробок с книгами, пишущую машинку и ночник с голубыми ягнятами, стоявший в спальне Алекс. Папа рассказывал: ягнята голубые, как и все остальное в детской, потому что они с мамой думали, будто родится мальчик, но родилась девочка, и как же он этому рад! Всю жизнь Алекс засыпала, глядя на абажур с резвящимися ягнятами, и не представляла, как расстанется с ним. Взяла она с собой и любимые книги из серии про Нэнси Дрю, и несколько «взрослых» детективов и триллеров, тех, что особенно ее вдохновляли, и любимые книги отца, и толстую папку со своими рассказами. И подушку, и свитер отца, еще хранивший его запах. Остальное должно было отправиться на склад.

Накануне зашли попрощаться Пэтти с детьми: много было пролито слез и произнесено трогательных слов. «Хорошо бы монахини полюбили тебя!» – говорила соседка, обнимая Алекс. Она рассказала, что хотела бы взять Алекс к себе, но дома у них совсем нет места, кровати едва хватает на четверых детей, да и муж ее не намерен брать на себя ответственность за еще одного ребенка.

В воскресенье Елена начала лить слезы задолго до приезда Билла: оплакивала и Эрика, на которого проработала пятнадцать лет, и сироту Алекс, и себя – ведь теперь ей придется искать новую работу, и неизвестно, какими людьми окажутся новые хозяева! Алекс бросилась ей в объятия, и они зарыдали вместе. На прощание Елена торопливо сунула ей в руку образок своей святой – на счастье.

Прощание было трогательным: у Билла, невольного свидетеля этой сцены, тоже выступили на глазах слезы. Он чувствовал себя палачом, едва ли не силой увозящим несчастную девочку из родного дома. Но что оставалось? Чемоданы и коробки загрузили к нему в багажник и на заднее сиденье, Алекс села на переднее сиденье, прижимая к груди ночник. По щекам ее текли слезы. За всю дорогу до монастыря она не произнесла ни слова.

Еще в пятницу Билл подготовил все необходимые документы. Алекс перевели в католическую приходскую школу поблизости от доминиканского монастыря. На счет в монастыре был положен вклад, покрывающий месячные расходы на ее проживание и стол; этот вклад

Билл собирался пополнять каждый месяц. Мать Мэри-Мэг тем временем получила согласие архиепископа.

Когда они подъехали к монастырю, завершилась утренняя служба, и монахини выходили из церкви. Многие из них были в монашеских одеяниях, но некоторые, особенно те, что помоложе, в обычной одежде. Алекс еще предстояло узнать, что «униформу» молодые монахини надевают редко. Заметив машину, мать Мэри-Мэг попросила нескольких монахинь помочь разгрузить вещи и отнести их наверх.

Хорошенько все обдумав, она поручила Алекс особенным заботам трех сестер. Первая из них, сестра Регина, та, что весело болтала с Алекс за ужином и хорошо с ней сошлась. Сестра Регина была совсем молодой – выглядела она немногим старше Алекс – и хорошенькой. Эта свежая юная девушка с толстой золотистой косой, в белых брюках и розовой футболке совсем не походила на монашку! Мать Мэри-Мэг это смущало, но вскоре она убедилась, что желание Регины посвятить жизнь Богу глубокое и искреннее.

Второй «опекуншей» стала сестра Томас, та, что постриглась уже в пожилом возрасте, вырастив собственных детей. Поначалу она запротестовала: «Как, опять?! Да я в монастырь ушла, чтобы никогда больше в жизни не иметь дела с подростками!» Но возмущалась наполовину в шутку – и скоро согласилась. Третья, сестра Ксавье-Франциск, лет тридцати, была учительницей по профессии и по призванию: мать Мэри-Мэг надеялась, что она станет помогать Алекс с уроками, особенно с математикой и латынью.

В холле Алекс попрощалась с Биллом. Поблагодарила его за все, а он обещал не забывать ее и просил звонить, если возникнут какие-нибудь проблемы. Однако мать Мэри-Мэг заверила его, что все будет хорошо; с каждой минутой общения с Алекс она все больше убеждалась в том, что с этой девочкой проблем не будет.

Вещи Алекс подняли наверх, в ее каморку, коробки составили на кровать. На стол водрузили пишущую машинку – и сестра Ксавье-Франциск смотрела на нее с трепетом:

– Какая красивая!

– Я печатаю на ней свои рассказы. Сочиняю детективы. Точнее, даже триллеры, – добавила Алекс нерешительно, не зная, как отнесутся к ее увлечению в монастыре.

Но у молодой монахини загорелись глаза.

– Серьезно? Обожаю триллеры!

Алекс расплылась в улыбке:

– Мой папа тоже их обожал. Все эти книги, в коробках – наши с ним любимые.

– А кого из авторов ты предпочитаешь? – И монахиня выпалила свой список любимых писателей: Дэшил Хэммет, Агата Кристи, Эрик Эмблер, Фредерик Форсайт, Робин Кук и еще длинный список авторов, из которых даже не все были Алекс знакомы.

– Большинство из них я читала, – улыбнулась девочка. – Агату Кристи любила, когда была моложе. А недавно прочитала «Молчание ягнят», и мне очень понравилось! Папа не любил женские детективы, говорил, что женщина не способна по-настоящему описать преступление – это работа для мужчины.

– Не уверена, что соглашусь с этим. Впрочем, страсти мне не по душе, я предпочитаю более спокойные книги, например Дороти Сэйерс. И еще люблю «тематические» детективы, особенно про собак!

Алекс вежливо улыбнулась, но подумала, что сама-то из подобных детективов уже выросла. Нет, теперь она читает настоящую мужскую литературу, остросюжетные триллеры про маньяков и террористов, и чем страшнее и кровавее, тем лучше!

Часть коробок с книгами Алекс запихнула под узкую кровать, другие расставила по углам. Вещи свои с помощью сестры Регины развесила в шкафу – они едва там поместились. На стол поставила три фотографии отца и еще одну, где маленькая Алекс была снята вместе с матерью.

– Какая у тебя красивая мама! – воскликнула сестра Регина, глядя на фотографии. – И папа твой тоже красивый мужчина.

Алекс кивнула, не сводя глаз со снимков. Она до сих пор не могла поверить, что отца больше нет. Последние трагические месяцы, когда он был так не похож на себя, почти стерлись из памяти, их затмевали теплые образы предыдущих лет, запечатлевшиеся в душе навечно. Вот они с папой на бейсбольных матчах, вот он читает ей перед сном, вот долгими вечерами они разговаривают – прежде всего о книгах; вот он желает ей спокойной ночи, целует и гасит свет в детской. . . Папа всегда находился рядом. Воспоминания о маме померкли с годами, она превратилась в прекрасный, но далекий призрак, а папа возникал перед глазами как живой.

Монахини помогли Алекс разобрать вещи, а затем сестра Томас зашла взглянуть, как она устроилась. Сегодня она была занята, дежурила в кухне, и скоро ей предстояло готовить обед. Однако она выкроила минутку, чтобы навестить Алекс и поговорить с ней. Сестра Томас отнеслась к девочке с материнской теплотой. Хотя она ни за что бы в этом не призналась – ей приятно было снова взять на себя заботу о ребенке, пусть и уже не очень маленьком.

– Ну как, все нормально? – с улыбкой спросила она.

Сестра Томас заметила, что Алекс растерянно озирается, и вид у нее не слишком-то веселый. Неудивительно, в одночасье девочка потеряла отца и родной дом, ей пришлось переехать в незнакомое место. Это тяжелое потрясение, даже если все вокруг добры к тебе. Оставалось лишь надеяться, что забота и ласка сестер помогут девочке утешиться.

– Алекс, сейчас тебе нелегко, – мягко промолвила сестра Томас, – но мы рады, что ты здесь. Знаешь, что ни делает Бог, все к лучшему, хотя порой нам трудно в это поверить. Надеюсь, тебе у нас понравится. Жизнь тут совсем не такая, как та, к какой ты привыкла, но и у нас бывает весело. Порой, когда тебе тяжело и грустно, очень важно не замыкаться в себе, а разделить свою жизнь с хорошими людьми, которые готовы посочувствовать тебе.

Алекс внимательно слушала ее.

– А вы скучаете по своим детям? – спросила она.

Мать Мэри-Мэг рассказала ей, что у сестры Томас шестеро детей, и Алекс не могла взять в толк, зачем эта женщина ушла в монастырь?

– Страшно скучаю! – честно ответила сестра Томас. – Но точно так же скучала бы и дома: ведь они уже взрослые и разлетелись по всей стране. Нет, одной в пустом доме мне было бы тоскливее, чем здесь. Тут у меня есть свое дело, цель, я чувствую себя нужной. В юности, до замужества, я мечтала стать монахиней и наконец исполнила свою мечту. Получилось так, словно я прожила две жизни, и обе счастливые.

Сестра Томас умолчала о том, что вышла замуж по необходимости, «залетев» в восемнадцать лет, поэтому и монахини из нее не получилось.

– Я не хочу становиться монахиней, когда вырасту, – тихо, но твердо произнесла Алекс.

– Этого от тебя никто не ждет. Мы просто дадим тебе кров и поможем перейти на следующую ступень в жизни. Не успеешь оглянуться, как уже закончишь школу и поступишь в колледж. Потом начнешь работать, выйдешь замуж, родишь детей. А к нам будешь приезжать в гости по выходным.

Что ж, в устах монахини все звучало просто и совсем не страшно.

– Спасибо, что вы меня приютили, – с благодарностью ответила Алекс. – Я не хотела уезжать в школу-интернат. А когда вырасту, хочу стать писательницей!

– Обязательно станешь, если будешь упорно трудиться. А это твоя пишущая машинка? – Сестра Томас подошла ближе, с восхищением глядя на винтажную вещицу. – Откуда у тебя такая?

– Папа подарил, чтобы я печатала на ней свои рассказы.

– Хотела бы я как-нибудь почитать!

Она уже жалела о том, что поначалу возражала против идеи матери Мэри-Мэг приютить сироту. Алекс оказалась симпатичной девочкой, воспитанной и разумной. Конечно, ей всего четырнадцать, и скорее всего, впереди у нее обычные проблемы, свойственные подростковому возрасту; но, в конце концов, сестра Томас вырастила шестерых, и с еще одним подростком сумеет справиться. Тем более что своих детей она растила практически в одиночку – муж ее считал воспитание «женским делом», – а сейчас ей будут помогать еще двадцать пять «матерей». «Хорошо, что она здесь!» – думала сестра Томас, глядя на Алекс.

– Через несколько минут у нас обед, – напомнила она и спустилась вниз, чтобы накрыть на стол.

Но Алекс недолго оставалась одна. Вскоре к ней заглянула сестра Регина.

– Хочешь помочь мне с покупками? – спросила она, пока они спускались по лестнице вниз. – Продукты мы покупаем раз в неделю в супермаркете по соседству, у нас там скидка. Сегодня моя очередь.

– Да, – ответила Алекс.

Они вошли в столовую и сели рядом. Сестра Ксавье-Франциск расположилась на противоположной стороне стола, сестра Томас – за другим столом, рядом с настоятельницей, однако приветливо помахала Алекс. Все вокруг улыбались ей, и Алекс улыбалась в ответ. Неожиданно у нее появилось двадцать шесть новых подруг, вернее, старших сестер и тетюшек.

За обедом они с сестрой Региной беседовали о книгах, фильмах, о пилатесе, который Регина расхваливала и уговаривала Алекс попробовать, и о том, что в будущем месяце в монастыре откроется секция йоги. Потом отправились в магазин. Затем сестра Регина попросила Алекс помочь ей на занятиях в художественной студии, а позднее присмотреть за детьми, которых привезли с собой в колясках участники школы молодых родителей... Время неслось стремительно, и после ужина Алекс поднялась к себе и без сил упала на кровать. День, полный новых людей и событий, ошеломил ее; она хотела бы немного посочинять, но понимала, что сегодня не сумеет. Столько нового, непривычного, а ведь завтра еще и первый день в новой школе!

Странно, подумала Алекс, что никто не поднимается к ней, не говорит: «Выключай свет» или «Пора в кровать». Похоже, здесь к ней действительно относятся как ко взрослой – так же, как относился папа. Уважают ее и ждут, что она сможет сама собой руководить. Что ж, это ей по душе. Алекс разделась, почистила зубы, пожелала спокойной ночи отцу на фотографии и, выключив ночник с голубыми ягнятами, легла. Кровать была узкой и жесткой, зато подушка старая, привычная; а к груди Алекс прижимала отцовский свитер, еще сохранивший запах его одеколona. Может, в конечном счете перемены обернутся к лучшему?

Уже в постели Алекс принялась размышлять над идеей своего следующего рассказа. Очень давно, с тех пор, как заболел отец, она не обдумывала новые рассказы, и сейчас решила, что это хороший знак. Впервые за много месяцев Алекс чувствовала себя спокойно и в безопасности. Странно, но ощущала себя как дома.

Глава 6

Новая школа была намного больше предыдущей: многолюдные классы, переполненные коридоры, шум и беготня на переменах. Ребята здесь были попроще и поглубже, чем ее одноклассники. После первого урока объявляли перерыв, и все ученики вместе с учителями отправлялись на мессу. Учителя были и обычные, светские, и монахини – но, поскольку монахини в школе не носили свою «униформу», трудно было определить, кто есть кто. Но больше всего поразило Алекс, как мало здесь задавали заданий. Школа была неплохая, но менее требовательная в сравнении с предыдущей. Что ж, сказала себе Алекс, значит, тут она будет учиться еще прилежнее!

Вернувшись вечером в монастырь, она менее чем за час сделала домашние задания, а потом села за пишущую машинку и принялась за новый рассказ, идея которого возникла у нее вчера перед сном. Рассказ был весьма мрачный и жестокий, убийца – настоящий псих, а развязка такая неожиданная, что у самой Алекс от нее дух захватывало! Она только что напечатала последнюю строчку и откинулась на стуле, улыбаясь, довольная своей работой, когда в дверь постучали и вошла сестра Ксавье.

– Помочь тебе с домашними заданиями? – Она заметила, что Алекс довольна, и решила, что первый день в школе прошел неплохо. – Как тебе новая школа?

– Все отлично, задания легкие – а я только что написала новый рассказ, и, по-моему, хорошо получилось! – радостно сообщила Алекс.

– Можно мне прочитать? – спросила сестра Ксавье.

Алекс протянула ей десять машинописных страничек, и монахиня, присев на кровать, начала читать. Время от времени она поднимала голову от бумаги, и во взгляде ее мелькало удивление. Алекс с нетерпением ждала вердикта своей первой читательницы: она ведь любит детективы, думала она, значит, сумеет оценить мою историю!

– Ну как? – поинтересовалась она, когда монахиня перевернула последнюю страницу.

– А ты всегда... такое пишешь?

Честно говоря, сестра Ксавье не знала, что и думать. Может, на девочку так подействовала смерть отца?

– Да, – кивнула Алекс. – Стараюсь, чтобы крови было побольше, но вообще и так хорошо.

– Да у тебя жестокий талант! – воскликнула сестра Ксавье. – Но... знаешь, мне понравилось!

Действительно, как литературное произведение рассказ был великолепен: крепко скроенный сюжет, выразительные герои, безупречный стиль. В нем чувствовались талант и недетская уверенность. Определенно, он сделал бы честь взрослому писателю-профессионалу! Просто... просто трудно было поверить, что подобное сочинил не взрослый мужчина, а четырнадцатилетняя девочка.

– Такого я от тебя не ожидала, – признала сестра Ксавье. – Скажи, а ты не пробовала публиковать свои рассказы?

– Мы с папой это обсуждали, но потом он заболел, и стало не до этого, – вздохнула Алекс. – У меня с собой три большие папки рассказов. – Все они лежали под кроватью, вместе с книгами.

– Тебе обязательно надо печататься, – заметила сестра Ксавье и добавила: – Теперь я понимаю, почему «Молчание ягнят» нравится тебе больше Агаты Кристи! После твоего рассказа я, пожалуй, заснуть не смогу!

Алекс рассмеялась, довольная тем, какое впечатление произвел рассказ на ее новую приятельницу.

– У меня таких много! Хотите почитать еще? – предложила она, радуясь, что ее труды наконец оценил кто-то, кроме отца. Причем рассказ понравился человеку, который вообще-то предпочитает сюжеты помягче.

– Только не на ночь! – рассмеялась сестра Ксавье.

В тот же вечер она с улыбкой, но и с волнением сообщила о творчестве Алекс матери настоятельнице. Та была заинтригована.

– Написано отлично, но, знаешь, как-то тревожно, от того что четырнадцатилетняя девочка сочиняет такое! – говорила сестра Ксавье. Она сама любила детективы, однако история Алекс... Нет, это для нее было уж слишком!

– Что же там такого страшного? – поинтересовалась мать Мэри-Мэг. – Какие-нибудь непристойности? Чрезмерный интерес к сексу?

– Нет, но... слишком уж мрачная история. Убийство – и не просто убийство, а изощренно-жестокое, с расчленением трупа, с каннибализмом... а в конце выясняется, что все это совершила его жена! Признаю, написано безупречно. Меня всерьез захватило, я не могла оторваться, пока не дочитала. Но очень уж мрачно! И эта история не выходит у меня из головы, я уже несколько часов о ней думаю.

– Что ж, может, это не отклонение, а писательский дар. Муж моей кузины хорошо знал ее отца: он рассказывал, что тот увлекался детективами и триллерами и с детства приучал к этой литературе дочь. Отец считал, что у Алекс настоящий литературный дар.

– Талант у нее есть, это уж точно! – согласилась сестра Ксавье. – Просто пугает, что у милой, невинной на вид девочки – и такое в голове!

– Что, боишься, она перережет нас всех, разделает и съест? – усмехнулась мать Мэри-Мэг.

– Нет, конечно, но... подобные фантазии у ребенка меня пугают.

– Хорошо, я взгляну.

Позднее мать Мэри-Мэг сказала Алекс, что ее сочинение произвело на сестру Ксавье большое впечатление, и она, мать настоятельница, тоже хотела бы почитать.

– По-моему, сестру Ксавье мой рассказ расстроил, – со вздохом заметила Алекс. – Но я всегда такое пишу. Стараюсь подражать папиным любимым писателям. Мы с ним всегда читали триллеры вместе: сначала он прочитывал книгу сам, потом передавал мне.

После обеда мать Мэри-Мэг прочитала рассказ Алекс и была потрясена. Но удивила ее не мрачность и жестокость истории, а талант и безупречное мастерство, с которым эта история была рассказана. В сюжете персонажи представляли перед глазами как живые, а в проникновении в мышление преступника ощущались глубина и сила, несвойственная не только ребенку, но и взрослому человеку. Когда мать Мэри-Мэг возвращала Алекс рукопись, на лице ее читалось глубокое уважение.

– Алекс, у тебя действительно талант! – воскликнула она. – Смотри, не растрачивай его попусту.

Алекс просияла. Она ждала иной реакции, опасалась, что мать Мэри-Мэг предложит ей писать о чем-нибудь более «нормальном» и «здоровом», – но нет, видимо, мать настоятельница одобрила ее увлечение целиком и полностью.

– Знаешь, – позднее сказала мать Мэри-Мэг сестре Ксавье, – похоже, мы живем под одной крышей с будущей выдающейся писательницей нашего времени. У этой девочки потрясающий ум.

– Да, но тебе не кажется, что ум немного... извращенный? – произнесла монахиня, не в силах преодолеть свои опасения. Много лет она читала школьные сочинения, но такого... нет, ничего даже отдаленно похожего не встречала!

– Разумеется. В том-то и дело! Бог даровал ей изумительную способность понимать зло, проникать в его глубины и изображать без прикрас, в самом отвратительном и пугающем свете. Это огромный и редкий дар, сестра, и мы должны поощрять ее, а не препятствовать ей.

Монахини разошлись, но обе в ту ночь долго не могли заснуть. Мать Мэри-Мэг размышляла о том, что Господь дал ей возможность принять участие в судьбе девочки, одаренной редким талантом, и, вероятно, стать у колыбели будущего гения, чья слава прогремит по всему миру. А сестра Ксавье снова и снова припоминала ужасную историю, рассказанную Алекс, содрогалась и думала, что тихая английская деревушка Сент-Мэри-Мид и неторопливые расследования, которые ведет мисс Марпл за чашечкой чая, ей больше по вкусу!

Что же до самой Алекс... Ложась в постель, она уже прикидывала план следующей истории и жалела лишь об одном: ни один ее рассказ больше не прочитает папа.

Никто не понимал ее так, как отец, никто не давал таких хороших советов. В сущности, он стал ее редактором – тонким, внимательным и терпеливым. Сможет ли она так же хорошо писать без него? Но потом Алекс вспомнила, что мать настоятельница от ее нового рассказа пришла в восторг, а сестру Ксавье он по-настоящему напугал, и, улыбаясь, заснула.

Прошел первый месяц жизни в доминиканском монастыре. Через три недели после переезда Алекс исполнилось пятнадцать лет, и монахини поздравили ее и испекли пирог. Праздник получился не очень-то радостным – впервые Алекс отмечала день рождения без отца. В школе было спокойно и скучно. У Алекс появились приятельницы, однако близких подруг она не завела – не хотела никому объяснять, почему живет в монастыре. На день рождения к ней пришла Елена и все время, не переставая, плакала, а Алекс утешала ее, говорила, что здесь хорошо и монахини к ней добры. То же самое сказала она и Биллу Бьюкенену, когда тот позвонил в монастырь. Мать Мэри-Мэг сообщила ему, что Алекс отлично справляется с новой жизнью и не доставляет никаких хлопот.

Действительно, проблем с Алекс не возникало. Она охотно помогала монахиням, когда они просили, но не скучала и одна: при первой возможности скрывалась у себя в комнате и там сочиняла новые рассказы. С сестрой Региной, несмотря на тринадцатилетнюю разницу в возрасте, они стали настоящими подругами. Привязалась Алекс и к сестре Ксавье, которая помогала ей подготовиться к контрольным по математике. Благодаря ей в новой школе Алекс училась на «отлично».

В конце четверти учителя раздали школьникам приглашения для родителей на очередное родительское собрание. Алекс не знала, что делать с этим приглашением, и просто выбросила его. Оказалось, это была ошибка: приглашения следовало отдать обратно, с подписями родителей, удостоверяющими, что они в курсе и придут – и на следующий день двое учителей напомнили Алекс об этом. Печальной истории Алекс они не знали, как и того, что она живет в монастыре; эта конфиденциальная информация была доступна только директору.

В тот же вечер Алекс рассказала матери Мэри-Мэг о возникшей проблеме.

– Почему нельзя просто пропустить его? Кому нужны эти дурацкие собрания? Ведь с отметками у меня все в порядке!

Мэри-Мэг задумалась. Не надо, чтобы учителя выделяли Алекс как «девочку с трудной судьбой» и относились к ней как-то по-особенному, но не хотелось и производить впечатление, будто ее родителям наплевать на школу или на дочь. Подобного отношения учителя не любят.

– А если на собрание ходит сестра Ксавье или сестра Томас? Что скажешь?

– Наверное, нормально. Мой папа тоже терпеть не мог родительских собраний и не всегда на них ходил. После того как учитель литературы вызвал его в школу, чтобы пожаловаться на мои рассказы, он только смеялся над учителями.

Мать Мэри-Мэг знала эту историю и, прочитав еще несколько рассказов Алекс, уже не удивлялась тому, что они напугали учителя.

– Что ж, спрошу, у кого найдется время и желание – у сестры Ксавье или у сестры Томми. – Так звали в обиходе сестру Томас.

Сходить на родительское собрание вызвались обе монахини – они успели привязаться к своей юной воспитаннице. Алекс получила новые приглашения, они расписались на них и в условленный день отправились в школу.

Учителя в основном хвалили Алекс и говорили о ней только хорошее. Лишь один педагог заметил: она, мол, слишком погружена в себя, ей нужно больше общаться со сверстниками. Но монахинь это не встревожило. Они знали Алекс с другой стороны – как она ведет себя с людьми, кому доверяет, в месте, которое уже привыкла считать своим домом. В монастыре Алекс бывала и разговорчивой, и веселой, и озорной. Но вне дома робела, стеснялась – и со взрослыми сходилась легче, чем со сверстниками. Что ж, такой уж характер дал ей Бог.

Монахини не стали говорить, кем они приходятся Алекс, и учителя этого толком не поняли. В школе один из педагогов упомянул, что общался с тетусками Алекс, другой – что приходили ее мать и тетя. Алекс ничего им не объяснила – не хотела, чтобы ее начали жалеть, узнав, что ее родители умерли, или смотреть на нее как на «бедную сиротку». Она не желала выделяться.

Мать Мэри-Мэг была довольна школьными успехами воспитанницы. На каникулы она решила отправить Алекс в католический лагерь в Нью-Гэмпшир, где сама работала помощницей директора. Поначалу Алекс ехать не хотела, однако в лагере ей неожиданно понравилось. Два месяца она купалась, ходила под парусом, присматривала за детьми помоложе, вернулась загорелой и поздоровевшей. Лишь одно в лагере угнетало ее – совсем не было времени и возможности писать. Едва вернувшись домой, она снова села за пишущую машинку. Теперь Алекс сочиняла не рассказы, а скорее небольшие повести – выстраивала более сложный сюжет, уделяла внимание подробностям, и монахини, увлеченно читающие эти истории, отмечали, что мастерство ее растет. Сестра Ксавье говорила, что истории становятся все страшнее и страшнее, и Алекс принимала это как комплимент, особенно когда та призналась, что после одной особенно мрачной повести ее две ночи мучили кошмары.

– Ага! – воскликнула Алекс, подпрыгнув от восторга. – Подождите, вот прочитаете следующий – целую неделю спать не сможете!

Сестра Ксавье молча закатила глаза. Однако все сестры скучали по Алекс, пока она находилась в отъезде, и теперь с удовольствием слушали ее восторженные рассказы о лагере, вожатых, играх и развлечениях, о том, как она играла за команду вожатых в бейсбол – и как это напомнило ей игры в бейсбол с отцом.

В следующем году Алекс начала работать в школьной газете. Появились у нее и подруги, она гуляла с ними, но никогда не приглашала к себе. В монастыре Алекс уже вполне освоилась, однако по-прежнему не хотела, чтобы кто-нибудь знал, где и как она живет. Однажды подруга пригласила ее на вечеринку, и Алекс пожаловалась сестре Регине, что ей нечего надеть. Втроем с сестрой Ксавье они отправились по магазинам – устроили себе настоящий праздник – и в конце концов выбрали для Алекс четыре новых модных платья и первые в ее жизни туфли на каблуках. Теперь ей было в чем выйти в свет!

– А ходить-то ты на них сможешь? – спрашивала сестра Ксавье, недоверчиво разглядывая босоножки на шпильках – сложное переплетение черных и золотых ремешков.

Алекс надела «шпильки» и продемонстрировала, что прекрасно на них ходит. Затем смеха ради примерила туфли и сестра Регина – и ей они понравились. А вот мини-юбка у Регины вызвала шок, но тут за Алекс вступилась сестра Ксавье:

– Почему бы и нет? Посмотри, как ей идет!

Сами монахини, разумеется, мини-юбок в жизни не носили, но Алекс, тоненькая, стройная, с прямыми темными волосами, выглядела в таком наряде прелестно – и совершенно невинно.

Кроме этого, купили они новые джинсы и несколько свитеров для школы – и вернулись домой поздно вечером, нагруженные сумками с покупками и совершенно счастливые.

Выбирать себе одежду в компании монахинь Алекс понравилось. Прежде она всегда ходила за покупками с отцом – а он терпеть не мог это занятие и, едва войдя в магазин, думал лишь о том, как бы побыстрее отсюда сбежать. Мерить наряды вместе с кем-то, кому это по душе, кто хихикает, восхищенно цокает языком и предлагает примерить еще вот это и вон то, – подобного с Алекс до сих пор не бывало. Не в пример другим девочкам, ей не случалось ходить по магазинам с матерью, с сестрами или подругами. Но теперь вместо одной нерадивой матери у нее было две, или три, или, может, двадцать шесть.

Хохочущие девушки с покупками в руках влетели в монастырь, и сестра Томми потребовала, чтобы они предъявили ей все сегодняшние приобретения. Потребовала строго, а в глазах ее плясали смешинки. Над мини-юбкой и шпильками она долго качала головой, но в конце концов одобрила и сказала, что в следующий раз обязательно пойдет с ними. «Не все же вам одним развлекаться», – добавила сестра Томми.

С помощью сестер Регины и Ксавье Алекс убрала все свои обновки в шкаф и в тот же вечер написала рассказ об убийстве в примерочной.

– У тебя просто большая фантазия! – вздохнув, заметила сестра Ксавье. – Превратить чудесный день в такое... – Однако не могла не признать, что рассказ отличный.

Уже год Алекс жила в монастыре. На глазах у монахинь росла, расцветала, превращаясь из девочки в юную девушку. Добрая, приветливая и отзывчивая, она очаровывала тех, кто ее знал, и монахини полюбили ее всей душой.

В конце года Алекс получила школьную награду за работу в газете, а еще набралась храбрости отослать два своих рассказа в литературный журнал. Там напечатали оба за подписью «А. Уинслоу», прислали ей чек на двести долларов и письмо с похвальным отзывом и просьбой не бросать писательство. В восторге Алекс бегала по монастырю, показывая всем письмо и чек, и еще несколько дней в монастыре только и шли разговоры о том, что она наконец напечаталась. В конце лета, вернувшись из лагеря, Алекс продала в журнал еще два рассказа.

Алекс было уже шестнадцать лет, пора задуматься о том, куда поступать после школы. Сестра Ксавье и сестра Томми вместе с ней просматривали списки и рекламные брошюры колледжей, в некоторые из них Алекс ездила сама. Она хотела учиться в Бостоне, чтобы не находиться далеко от монастыря, ставшего родным домом, однако мать Мэри-Мэг настоятельно советовала ей, поступив, переселиться в студенческое общежитие. «Ты сможешь приезжать к нам, когда захочешь, – говорила она, – но пора тебе уже выйти в большой мир и учиться налаживать отношения со сверстниками. А где брать для этого время, как не в студенческие годы?»

Алекс посетила колледжи в Бостоне и окрестностях, а также Миддлбери в Вермонте, Браун на Род-Айленде, Йель в Коннектикуте. Вместе с сестрой Региной съездила на день в Нью-Йорк, чтобы побывать в Нью-Йоркском университете и Университете Колумбии. Но вскоре остановила свой выбор на Бостонском колледже. Она решила подать документы в несколько учебных заведений сразу, однако именно Бостонский колледж стал для нее выбором первой очереди.

В последнем учебном году Алекс с помощью сестры Ксавье и сестры Томми подготовила и разослала документы. В ее вступительных сочинениях, по совету сестер, не было ни слова об убийствах; обычные приглашенные работы на нейтральные темы. Уже год Алекс печаталась в детективных журналах, но об этом сообщать не стала, ведь свои рассказы она публиковала под псевдонимом. Да и без этого ей хватало о чем упомянуть: три года работы вожатой в летнем лагере, две награды за школьную газету, разнообразная внешкольная деятельность в вечерней школе при монастыре. Учителя, школьный куратор и мать настоятельница написали ей блестящие рекомендации. Монахини не сомневались, что Алекс всюду примут с распростертыми объятиями, и действительно, ей прислали приглашения Йель, Браун, Миддлбери, Бостонский

колледж и Бостонский университет, а еще несколько учебных заведений написали, что поставили ее в свой лист ожидания. Алекс выбрала Бостонский колледж, как и собиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.